

Главы о еврейской литературе

Исраэль Абрахамс

Chapters on Jewish literature

Israel Abrahams

Электронная книга проекта "Гутенберг", состоящая из глав о еврейской литературе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Главы о еврейской литературе

Автор: Израэль Абрахамс

Дата выхода: 6 октября 2004 г. [Электронная книга № 13678]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джульет Сазерленд, Дж. Хауз и команда корректоров, распространяющая тексты онлайн.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА", ПОСВЯЩЕННОГО ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ***

ГЛАВЫ О ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Автор: ИЗРАЭЛЬ АБРАХАМС, магистр медицины

Автор книги "Еврейская жизнь в средние века"

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

ЕВРЕЙСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1899,

ЕВРЕЙСКИМ ИЗДАТЕЛЬСКИМ ОБЩЕСТВОМ АМЕРИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти двадцать пять коротких глав о еврейской литературе начинаются с падения Иерусалима в 70 году нашей эры и заканчиваются смертью Мозеса Мендельсона в 1786 году. Таким образом, рассматриваемый период охватывает более семнадцати столетий. И все же, каким бы долгим ни был этот период, он слишком краток. Чтобы отдать должное литературе иудаизма хотя бы в общих чертах, очевидно, необходимо включить Библию, Апокрифы и труды александрийских евреев, таких как Филон. Только благодаря такому включению можно проследить гениальность еврейского народа от его ранних проявлений через его вдохновенный расцвет до его блестящего последствия в веках, о которых идет речь в этой небольшой книге.

Одна особая причина побудила меня ограничить эту книгу рамками, указанными выше. Библия рассматривалась в Англии и Америке во множестве превосходных учебников, написанных евреями и еврейчицами для них. Мне казалось очень сомнительным, что настало или когда-либо наступит время для того, чтобы рассматривать Священные Писания с чисто литературной точки зрения при обучении молодых студентов. Но такова точка зрения этой книги. Таким образом, я воздержался от включения Библии, потому что, с одной стороны, я чувствовал, что не смогу обращаться с ней так, как я пытался обращаться с остальной еврейской литературой, и потому что, с другой стороны, у меня не было необходимости пытаться дополнять уже используемые книги. Разделы, которыми я ограничился, лишь изредка преподаются молодым студентам последовательно, за исключением тех случаев, когда они входят в круг уроков еврейской истории. Друг с большим опытом и знаниями настойчиво убеждал меня, что небольшой учебник по более поздней еврейской литературе, вероятно, будет полезен как для домашнего, так и для школьного использования. Такая книга могла бы способствовать элементарному изучению еврейской литературы в более широком кругу, чем это было достигнуто до сих пор. Следовательно, эта книга была составлена с определенной целью предоставить элементарное руководство. Будет видно, что как во включениях, так и в исключениях автор следовал своей собственной линии, но он не претендует на оригинальность. Книга задумана просто как пособие для тех, кто, возможно, пожелает освоить некоторые из ведущих характеристик предмета, не обременяя себя слишком большим количеством деталей и дат.

Это соображение частично определило также метод книги. При представлении общего плана еврейской литературы возможны три плана. Можно разделить предмет *по периодам*. Начиная с эпохи раввинизма и заканчивая деятельностью более ранних гаонимов, или персидских раввинов, Первый Период переносит нас в восьмой или девятый век. Хорошо заметный Второй период - это период арабо-испанских писателей, период, который продлится с девятого по пятнадцатый век. С шестнадцатого по восемнадцатый век образует Третий период с

отчетливыми характеристиками. Наконец, карьера Мендельсона знаменует собой определенное начало современного периода. Такая группировка фактов дает много преимуществ, но она несколько затушевывает различные условия, преобладавшие в одно и то же время в разных странах, где были поселены евреи. Поэтому некоторые авторы предпочли расположить материал по разным *странам*. Вполне возможно нарисовать карту мировой цивилизации, просто отметив последовательно места, в которых еврейская литература обосновала свои штаб-квартиры. Но, с другой стороны, такой метод классификации имеет тот недостаток, что он приводит к большому дублированию. На протяжении долгих промежутков времени невозможно отделить Италию от Испании, Францию от Германии, Персию от Египта, Константинополь от Амстердама. Это побудило других авторов предложить третий метод и проследить *влияния*, чтобы указать, что, хотя раввинизм можно назвать естественным продуктом еврейского гения, научные, поэтические и философские тенденции еврейских писателей в средние века были обусловлены взаимодействием внешних и внутренних сил. Далее, при таком раскладе периоду гетто было бы отведено место как таковому, поскольку это снова ознаменовало бы почти полное господство чисто еврейских сил в еврейской литературе. Приняв эту классификацию, мы должны были бы иметь волну еврейского импульса, раздутую притоком чужеземных вод, еще раз разбивающуюся о еврейский берег, с его содержимым примерно в том же состоянии, в каком они покинули первоначальный источник. Все эти три метода верны, и это побудило меня отказаться следовать какому-либо из них, исключая два других. Я пытался проследить *влияния*, наблюдать за *периодами*, различать *страны*. Я также пытался придать цвет и живость, выбирая выдающихся личностей, вокруг которых можно сгруппировать целые циклы фактов. Таким образом, некоторые главы носят имена известных людей, другие озаглавлены по периодам, третьи - по странам, а третьи названы по общим течениям европейской мысли. Во всем этом моя цель была очень скромной. Я мало занимался литературной критикой, но чувствовал, что сухого набора имен и дат - это как раз то, чего мне следует избегать. Мне нет нужды говорить, что я сделал все возможное для обеспечения точности своих утверждений, ссылаясь на лучшие известные мне авторитеты по каждому разделу предмета. Чтобы назвать работы, которым я обязан, потребовался бы список многих наиболее известных достижений современной континентальной и американской науки. В конце каждой главы, однако, привел ссылки на некоторые английские работы и эссе. Грец цитируется в английском переводе, опубликованном Еврейским издательским обществом Америки. Цифры в скобках относятся к изданию, опубликованному в Лондоне. Аналогично упоминаются американское и английское издания "Исследований иудаизма" С. Шехтера.

В одном я уверен. Никакое изложение фактов, каким бы голым и неадекватным оно ни было, не сможет затуманить истину о том, что эта небольшая книга имеет дело с великой и вдохновляющей литературой. Можно задаться вопросом, всегда ли книги великих евреев принадлежали к великим книгам мира. Возможно, были и остаются более великие законники, чем Раши, более великие поэты, чем Иегуда Халеви, более великие философы, чем Маймонид, более великие моралисты, чем Бачья. Но не было более великой литературы, чем та, которую представляют эти и многие другие евреи.

Раввинизм был продолжением Библии, и хотя, как и все продолжения, он не соответствовал своему оригиналу, тем не менее разделял его величие. Произведения всех евреев вплоть до современного периода были продолжением этого сиквела. Во всех них можно обнаружить

объединяющий принцип, согласно которому литература в ее самом истинном смысле включает в себя саму жизнь; что интеллект - это слуга совести; и что лучшие книги - это те, которые лучше всего учат людей жить. Это основополагающее единство придавало еврейской литературе больше гармонии, чем многие литературы, имеющие более ярко выраженный национальный характер. Принцип "Праведность избавляет от смерти" применим как к книгам, так и к людям. Литература, постоянной темой которой является Праведность, бессмертна. В тот самый день, когда пал Иерусалим, эта теория о взаимосвязи литературы и жизни стала незыблемым принципом еврейской мысли, и она перестала иметь бесспорное влияние только в эпоху Мендельсона. Именно в "Винограднике" Джамнии эта теория получила свое прочное обоснование. Поэтому отправную точку для этого тома следует искать в месте встречи, где раввины, изгнанные из Святого Города, нашли новое отечество в Книге книг.

Содержание

		страница
Глава		
	Предисловие	5
I	"Виноградник" в Джамнии,	19
	Школы в Джамнии, Лидде, Уше и Сепфорисе.Таннаимы составляют Мишну.— Йоханан, Акиба, Меир, Иуда.— Аквила.	
II	Иосиф Флавий и еврейская Сивилла	33
III	Талмуд	43
	Амораимы составляют Палестинский талмуд и Вавилонский талмуд.— Представители амораима:	

			—Йоханан, Симон, Иисус Навин, Симлай; Вавилония —Раб и Самуил.
		II	(280-320) Палестина —Ами, Асси, Аббаху, Хия; Вавилония—Хуна и Зейра.
		III	(320-380) Вавилония—Рабба, Абаи, Рава.
		IV	(380-430) Вавилония—Аши (первый сборник Вавилонского талмуда).
		V и VI	(430-500) Вавилония—Рабина (завершение Вавилонского талмуда).
IV	Мидраш и его поэзия	55	
	Мечилта, Сифра, Сифре, Песикта, Танчума, Мидраш Рабба, Ялкуп.—Пословицы.— Притчи.—Басни.		
V	Письма гаонимов,	68	
	представляющих гаонимов: Ахай, Амрам, Цемах, Саадия, Шерира, Самуэль, Хай.		
VI	Караимская литература	75	
	Анан, Нахавенди, Абул- Фарадж, Салман, Сахал, аль- Базир, Хасан, Иафет, Киркисани, Иуда Хадасси, Исаак Троки.		

VII	Новоеврейский пиют	83
	Калириан и испанский Пиютим (Стихи).—Джаннай.— Калир.	
VIII	Саадия Фаюмский	91
	Перевод Библии на арабский.—Основа еврейской философии религии.	
IX	Рассвет испанской эры	99
	Хасдай Ибн Шапрут.— Менахем и Дунаш, Чаюдж и Джанах.—Самуил Нагид.	
X	Испано-еврейские поэты (I)	107
	Соломон Ибн Гебироль.— "Королевская корона".— Моисей Ибн Эзра.—Авраам Ибн Эзра.Библейские комментарии Ибн Эзры и Кимчи.	
XI	Раши и Альфасси	119
	Натан из Рима.Альфасси.— Раши.—Рашбам.	
XII	Испано—еврейские поэты (II)	126
	Иегуда Халеви.-Харизи.	
XIII	Моисей Маймонид	134
	Маймон, Рамбам—Р. Моисей, сын Маймона, Маймонид.—	

Его Яд Хачазака и Морех
Навухим.—Герсонид.—
Крескас.—Albo.

XIV

Распространение науки 144

Провансальские
переводчики.—Ибн
Тиббонс.—Переводчики с
итальянского.—Джейкоб
Анатоли.—Калонимос.—
Научная литература.

XV

Распространение народных
сказок 153

Варлаам и Иосафат.—Басни
Бидпая. —Авраам Ибн
Чисдай.—Берахья ха-
Накдан.—Джозеф Забара.

XVI

Моисей Нахманид 160

французские и испанские
талмудисты.—Тоссафисты,
Ашер из Шпейера, Там, Исаак
из Домпера, Барух из
Ратисбона, Перес из
Корбейля. —Комментарий
Нахманида к
Пятикнижию.Публичные
споры между евреями и
христианами.

XVII

Книга Зоар и более поздний
мистицизм 169

Каббала.—Бахир.—
Абулафия.—Моисей
Леонский.—Зоар.—Исаак
Лурья.—Исайя Гурвиц.—
Христианские каббалисты.—

Хасиды.

XVIII

Итальянская еврейская поэзия 178

Иммануил и Данте.—
Махберот.—Иуда Романо.—
Калонимос.Эбен Бочан.—
Мозес Риети.—Мессер Леон.

XIX

Этическая литература 189

Бачья Ибн Пекуда.—Чобот ха-
Лебаботх.Сефер ха-
Хасидим.—Рокич.— "Бехинат
Олам" Йедайи Бедаресси. —
"Менорат ха-Маор" Исаака
Абоаба.—"Око Иакова" Ибн
Хабиба.—Зеваоф, или
Этическая воля.—Джозеф Ибн
Каспи.—Соломон Алами.

XX

"Рассказы путешественников" 200

Эльдада Данита.—Вениамин
из Туделы.—Петахия из
Ратисбона.—Эстори Парчи.-
Абрахам Фариссол.—Дэвид
Рубени и Молчо.Антонио де
Монтесинос и Манассия бен
Израэль.—Товия Коэн.—
Вессели.

XXI

Историки и хронисты 211

Ордена таннаимов и
амораимов.—Ахимааз.—
Авраам Ибн Дауд.—
Иосиппон.—Исторические
элегии, или Селихот.—
Памятные книги.—Абрахам
Закуто.—Элайджа Капсали.—

Уске.—Ибн Верга.-Джозеф
Коэн.—Дэвид Ганс.—Гедалия
Ибн Яхья.—Азария ди Росси.

XXII

Философия Исаака 225
Абарбанеля

Абарбанеля и библейские
комментарии.—Элиас
Левита.—Зина у-Рина.—
Моисей Альшех.Биур.

XXIII

Арба Турим Шулхан Арух 232

Ашери.—Чиддушим и
Тешубот.—Соломон бен
Адерет.—Меир из
Ротенбурга.—Шешет и
Дюран.-Моисей и Иуда Минц.-
Джейкоб Вейл, Исраэль
Иссерлейн, Махарил.—Дэвид
Аби Зимра.—Джозеф Каро.-
Джаир Бахарах.—Хахам
Зеви.—Якоб Эмден.—
Иезекииль Ландау.

XXIV

Амстердам в семнадцатом 243
веке

Манассия бен Израэль.—
Барух Спиноза.—Драма на
иврите.—Моисей Закут,
Джозеф Феликс Пенсо,
Моисей Хаим Луццатто.

XXV

Моисей Мендельсон 253

Немецкий перевод Библии
Мендельсона.—Федо.—
Иерусалим.—"Натан Мудрый"
Лессинга.

ГЛАВЫ О ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ГЛАВА I

"ВИНОГРАДНИК" В ДЖАМНИИ

Школы в Джамнии, Лидде, Уше и Сепфорисе. Таннаимы составили Мишну. Йоханан, Акиба, Меир, Иуда. Аквила.

История еврейской литературы после разрушения Иерусалимского храма в 70 году христианской эры разворачивается вокруг города Джамния. Джамния, или Джабнех, лежала недалеко от моря, красиво раскинувшись на склонах пологого холма в низине, примерно в двадцати восьми милях от столицы. Когда Веспасиан приступал к осаде Иерусалима, он занял Джамнию, и туда перешел еврейский Синхедрион, или Великий Совет, после падения Иерусалима. Там уже существовал колледж, но затем Джамния стала центром еврейского образования и сохраняла это положение до 135 года. В то время ученый круг переместился дальше на север, в Галилею, и, помимо знаменитой школы в Лидде в Иудее, были основаны другие школы в Тверии, Уше и Сепфорисе.

Настоящим основателем колледжа в Джамнии был Йоханан, сын Заккая, прозванного "отцом мудрости". Подобно греческим философам, которые обучали своих учеников в садах "Академии" в Афинах, раввины, возможно, читали лекции своим студентам на "Винограднике" в Джамнии. Возможно, термин "Виноградник" был всего лишь метафорой, примененной к месту встречи Мудрецов в Джамнии, но, во всяком случае, результатом этих приятных интеллектуальных встреч стала раввинская литература. Сам Йоханан был типичным раввином. Большую часть своей жизни он занимался коммерцией и зарабатывал себе на хлеб физическим трудом. Его оригинальность как учителя заключалась в его понимании того, что иудаизм может пережить потерю своего национального центра. Он чувствовал, что "милосердие и любовь к людям могут заменить жертвы". Он предпочел бы, чтобы его братья подчинились Риму, и его политическое предвидение оправдалось, когда война за независимость закончилась катастрофой. Как хорошо сказал Грец, подобно Иеремии Йоханан оплакивал опустошение Сиона, но, подобно Зоровавелю, он создал новое святилище. Новым убежищем Йоханана стала школа.

В "Винограднике" в Джамнии еврейская традиция была предметом самых оживленных исследований. Религиозная, этическая и практическая литература прошлого была тщательно изучена, и в нее были внесены свежие дополнения. Но написано было не так уж много, ибо до конца второго века новая еврейская литература была *устной*. Библия была записана и читалась

по свиткам, но раввинская литература запоминалась по частям и передавалась от учителя к ученику. Заметки, возможно, делались в письменном виде, но даже когда Устная литература была собрана и оформлена в виде книги, многие авторитетные источники полагают, что составленная таким образом книга в течение значительного периода оставалась устной, а не письменной книгой.

Эта книга называлась *Мишна* (от глагола *шана*, "повторять" или "учить"). Мишна не была работой одного человека или одной эпохи. Она росла так долго, что ее рождение датируется задолго до разрушения Храма. Но людьми, наиболее тесно связанными с составлением Мишны, были таннаим (от корня *тана*, который имеет то же значение, что и *шана*). Между 70 и 200 годами нашей эры насчитывалось около ста двадцати таких таннаим, и их удобно распределить по четырем поколениям. Здесь от каждого поколения будет выбран один типичный представитель.

ТАННАИМ

Первое поколение, с 70 по 100 год н.э.

ЙОХАНАН, сын Заккая

Второе поколение, с 100 по 130 год н.э.

АКИБА

Третье поколение, с 130 по 160 год н.э.

МЕИР

Четвертое поколение, с 160 по 200 год н.э.

ЦАРЕВИЧ ИУДА

Таннаим были обладателями того, что, возможно, было величайшим принципом, доминировавшим в литературе до конца восемнадцатого века. Они утверждали, что *литература и жизнь неразрывны*. О Йоханане, сыне Заккая, говорили, что он не делал ни единого шага, не думая о Боге. Изучение Торы, то есть Закона, авторитетного Слова Божьего, и его Пророческих и раввинских разработок было высшим долгом человека. "Если ты много изучил Тору, не приписывай себе никаких заслуг, ибо для этого ты был создан". Человек был создан, чтобы учиться; литература была целью жизни. Мы уже видели, что это за литература. Йоханан однажды сказал своим пятерым любимым ученикам: "Идите вперед и подумайте, какого хорошего пути должен придерживаться человек". Он получил разные ответы, но больше всего одобрил этот ответ: "Доброе сердце - это путь". Литература - это жизнь, если это литература сердца — это можно рассматривать как окончательное оправдание союза, заключенного в Мишне между ученостью и праведностью.

Акиба, которого можно считать представителем второго поколения Таннаимов, отличался по характеру от Йоханана. Йоханан был членом партии мира с 66 по 70 год; Акиба был патриотом и

принимал личное участие в более поздней борьбе против Рима, которая была организована героическим Бар Кохбой в 131-135 годах. Акиба противопоставил свое лицо легкомыслию и объявил молчание преградой мудрости. Но его нрав был скорее решительным, чем суровым. О нем рассказывают самые романтические истории любви. Он был пастухом и влюбился в дочь своего хозяина, которая терпела бедность как его преданная жена и была прославлена славой своего мужа. Но каким бы контрастом ни были эти два персонажа, Акиба, как и Йоханан, считал, что литература ничего не стоит, если она не находит своего выражения в жизни ученого. Он и его школа низко ценили человека, который, хотя и был образованным, вел порочную жизнь, но они считали своим идеалом человека, чье моральное совершенство было более заметным, чем его ученость. Как сказал Р. Елеазар, сын Азарии: "Тот, чьи знания превышают его добрые дела, подобен дереву, у которого много ветвей и мало корней; налетает ветер, вырывает с корнем и опрокидывает его. Но тот, чьи добрые дела превышают его знания, подобен дереву с небольшим количеством ветвей, но множеством корней, так что, если всеветры в мире налетят и подуют на него, оно останется незыблемым на своем месте". Человек, по словам Акибы, хозяин своей судьбы; ему нужна Божья благодать, чтобы восторжествовать над злом, однако триумф зависит от его собственных усилий: "Все видно, но дана свобода выбора; мир судим по благодати, но все происходит в соответствии с работой". Тора, литература Израиля, была для Акибы "желанным инструментом", средством к жизни.

Среди отличительных черт школы Акибы следует назвать первый буквальный перевод Библии на греческий. Эта работа была проделана в конце второго века Аквиллой, прозелитом, который был вдохновлен учением Акибы. Версия Аквиллы уступала александрийско-греческой версии, называемой Септуагинтой, по изяществу стиля, но превосходила ее по точности. Аквила слово в слово повторял текст на иврите. Этот переводчик идентичен Онкелосу, которому в более поздние века был приписан арамейский перевод (*Таргум* Онкелос) Пятикнижия. Арамейские версии Библии были созданы в очень ранний период, и Таргум Онкелос может содержать древние элементы, но в своем нынешнем виде он появился не ранее пятого века.

Меир, которого мы считаем представителем третьего поколения Таннаим, был преисполнен самых широких симпатий. В его концепции истины все, что люди могут знать, принадлежало Торе. Не то чтобы Тора вытесняла или поглощала все другие знания, но для правильного изучения Торы требовались все вспомогательные средства, которые могли предоставить наука и светская информация. Таким образом, еврейская литература была в некоторой степени спасена от опасности стать просто религиозным занятием, и в последующие столетия, когда масса евреев была склонна презирать и даже препятствовать научной и философской культуре, меньшинство всегда было готово противостоять этой тенденции и, основываясь на взглядах некоторых таннаим, таких как Меир, претендовало на право изучать то, что мы теперь должны были бы назвать светскими науками. О широте симпатий Меира можно судить по его терпимому поведению по отношению к своему другу Елисею, сыну Абуи. Когда последний оставил иудаизм, Меир остался верен Елисею. Он посвятил себя попыткам вернуть своего старого друга, и, хотя ему это не удалось, он никогда не переставал любить его. Опять же, Меир славился своим знанием басен, которые в древности были ответвлением мудрости всего восточного мира. Широте взглядов Меира соответствовало его великодушие, и в лице своей жены Берурии он обрел компаньона, чьи нежные симпатии и тонкая терпимость соответствовали его собственным.

Четвертое поколение Таннаима омрачено славой Иуды-принца, *раввина*, как его просто называли. Он жил со 150 по 210 год, и с его именем связано составление Мишны. Человек с добродушными манерами, сильной интеллектуальной хваткой, он также был образцом королевского гостеприимства и дружбы не только с евреями. Его общение с одной из Антонинок было типичным для его широкой культуры. По мнению раввина Иуды, жизнь не состояла из мелких и крупных происшествий, но все жизненные дела были частями великого божественного замысла. "Размышляй о трех вещах, и ты не попадешь во власть греха: знай, что над тобою — видящий глаз и слышащее ухо, — и все твои деяния записаны в книге".

Мишна, в которой говорится о великом и малом, обо всем, что касается людей, является литературным выражением этого взгляда на жизнь. Его язык - новоеврейский, простой, нервный идиома, подходящая для практической жизни, но лишенная силы и поэзии библейского иврита. Это более полезный, но менее отточенный инструмент, чем старый язык. Предмет Мишны включает в себя как закон, так и мораль, дела тела, души и разума. Бизнес, религия, социальные обязанности, ритуалы - все это регулируется одним и тем же кодексом. Недостаток этой концепции заключается в том, что, связывая вещи неодинаковой важности, и ум, и совесть могут стать неспособными отличать великое от малого, внешнее от духовного. Другим пагубным последствием было то, что, поскольку литература так тесно соответствовала жизни, литература не могла исправить жизненные ошибки, когда жизнь становилась тесной или застойной. Современный дух отличается от древнего главным образом тем, что литература теперь стала независимой силой, которая может освежать и стимулировать жизнь. Но старый идеал, тем не менее, был великим. То, что жизнь человека представляет собой единство; что его поведение во всех своих частях находится в сфере этики и религии; что его разум и совесть не независимы, а являются двумя сторонами одного и того же; и что, следовательно, его религиозная, этическая, эстетическая и интеллектуальная литература едины и неделимы, — это была благородная концепция, которая, при всей своей слабости, имела явные преимущества перед современным взглядом.

Мишна разделена на шесть частей, или Порядков (*Седарим*); каждый Порядок - на трактаты (*Массехот*); каждый Трактат - на главы (*Пераким*); каждая глава - на параграфы (каждый называется *Мишна*). Эти шесть Порядков следующие:

ЗЕРАИМ ("Семена"). Рассказывает о законах, связанных с сельским хозяйством, и начинается Трактатом о молитве ("Благословения").

МОЕД ("Фестиваль"). О фестивалях.

НАШИМ ("Женщины"). О законах, касающихся брака, и т.д.

НЕЗИКИН ("Ущерб"). О гражданском и уголовном праве.

КОДАШИМ ("Святыни"). О жертвоприношениях и т.д.

ТЕХАРОТ ("Очищения"). О личной и ритуальной чистоте.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мишна.

Грец.—*История евреев*, перевод на английский, Т. II, главы 13-17 (характер Мишны, конец гл. 17).

Штайншнайдер.—*Еврейская литература* (Лондон, 1857), стр. 13.

Шиллер-Синесси.—*Британская энциклопедия* (Девятое издание), том. XVI, стр. 502.

Де Сола и Рафалл.—*Восемнадцать трактатов из Мишны* (английский перевод, Лондон).

К. Тейлор.—*Высказывания еврейских отцов* (Кембридж, 1897).

А. Кохут.—*Этика отцов* (Нью-Йорк, 1885).

Г. Карпелес.—*Очерк еврейской истории* (Еврейское издательское общество Америки, 1895), стр. 40.

AQUILA.

Ф.К. Беркитт.—*Jewish Quarterly Review*, Том X, стр. 207.

ГЛАВА II

ИОСИФ ФЛАВИЙ ФЛАВИЙ И ЕВРЕЙСКАЯ СИВИЛЛА

Великие национальные кризисы обычно порождают историческую литературу. Это с большей вероятностью произойдет с нацией, которая побеждает в войне, чем с нацией, которая проигрывает. Таким образом, в период Маккавеев исторические труды, посвященные славной борьбе и ее триумфальному завершению, были написаны евреями как на иврите, так и на греческом. После ужасного несчастья, постигшего евреев в 70 году, когда Иерусалим пал под ударами римского оружия, чтобы никогда больше не подняться, у меня не хватило духу написать историю. Евреи искали утешения в своей существующей литературе, а не в новых произведениях, и Библия и устные традиции, которым столетие спустя предстояло воплотиться в Мишне, наполнили сердца и умы нации. И все же не один еврей почувствовал импульс написать историю того мрачного времени. Таким образом, первыми полными книгами, появившимися в еврейской литературе после потери гражданства, были исторические труды,

написанные двумя мужчинами, Юстом и Иосифом Флавием, оба из которых принимали активное участие в самой последней из описанных ими войн. Юстус Тивериадский написал на греческом языке краткую хронику, озаглавленную "История иудейских царей", а также более подробное повествование о "Иудейской войне" с Римом. Обе эти книги известны нам только по цитатам. Оригиналы полностью утрачены. Более счастливая судьба сохранила труды другого еврейского историка того же периода, Иосифа Флавия (38-95 гг. н.э.), литературного и политического оппонента Юстуса. Он написал три исторических труда: "Иудейские древности"; "Автобиографию"; "Иудейские войны"; вместе с ответом на нападки александрийского критика иудаизма "Против Апиона". Характер Иосифа Флавия оценивался по-разному. Некоторые считают его патриотом, который подчинился Риму только тогда, когда убедился, что судьба евреев требует такого подчинения. Но наиболее вероятный взгляд на его карьеру таков. Иосиф Флавий был человеком со вкусом и образованностью. Он изучал греческую и латинскую классику, которой очень восхищался, а также был преданным поклонником иудаизма. К несчастью, обстоятельства поставили его в такое политическое положение, из которого он мог выпутаться только путем предательства и двуличия. В молодости он посетил Рим и там проникся восторженным восхищением римлянами. Вернувшись в Палестину, он обнаружил, что его соотечественники полны пламенного патриотизма и готовы броситься против легионов цезарей. К своему ужасу, Иосиф Флавий увидел, что его затягивает в патриотический водоворот. По странному стечению обстоятельств ему было доверено важное командование. Он предал свою страну и спас себя, горячо подчинившись римлянам. Он стал личным другом Веспасиана и постоянным спутником его сына Тита.

Несмотря на то, что Иосиф Флавий был предателем национального дела, он был непоколебимым защитником еврейской религии. Все его работы пронизаны желанием представить иудаизм и евреев в наилучшем свете. Он был возмущен тем, что языческие историки с презрением писали о побежденных евреях, и решил описать благородную позицию еврейских армий против Рима. Его привело в ярость искажение египтянином Манефоном древней истории Израиля, и он не мог спокойно выслушивать оскорбления Апиона. Таким образом, труды Иосифа Флавия - это произведения, написанные с *тенденцией* прославлять свой народ и свою религию. Но в основном они заслуживают доверия и действительно являются одним из главных источников информации по истории евреев в постбиблейские времена. Его стиль ясен и привлекателен, а его способность схватывать события давних периодов сравнима с способностью Полибия. Он был не просто летописцем; он обладал некоторой способностью объяснять, а также фиксировать факты и некоторым реальным пониманием значения событий, происходящих на его собственных глазах.

Он писал по большей части на греческом, как потому, что этот язык был знаком многим культурным евреям его времени, так и потому, что таким образом его истории стали доступны миру читателей-неевреев. Иногда он использовал и арамейский, и греческий. Например, он написал свою "Иудейскую войну" сначала на одном, а затем на другом из этих языков. Арамейская версия была утеряна, но греческий сохранился. Его стиль часто красноречив, особенно в его книге "Против Апиона". Это было историческое и философское обоснование иудаизма. В конце этого труда Иосиф Флавий говорит: "И поэтому я беру на себя смелость сказать, что мы стали учителями других людей в огромном количестве вещей, и притом самых превосходных". Иосиф Флавий, подобно еврейским эллинистам более раннего времени, видел в иудаизме универсальную религию, которую должны разделять все народы земли. Иудаизм

был для Иосифа Флавия, как и для Филона, не контрастом или антитезой греческой культуре, а совершенством и кульминацией культуры.

Однако наиболее любопытными попытками распространить иудаизм были те, которые были облечены в личину Сивилл. В языческой древности Сивилла была вдохновенной пророчицей, чьи таинственные оракулы касались судеб городов и народов. Эти оракулы пользовались большим уважением среди образованных греков, и во втором веке до нашей эры некоторые александрийские евреи использовали их, чтобы рекомендовать иудаизм языческому миру. В еврейских сивиллиных книгах религия Израиля представлена как надежда и угроза; угроза для тех, кто отказывается следовать лучшей жизни, обещание спасения тем, кто раскаивается. Примерно в 80 году н.э. была составлена книга такого рода. Это то, что известно как Четвертая книга Сивиллиных оракулов. Язык - греческий, форма - гекзаметрический стих. В этом стихотворении Сивилла в облике пророчицы повествует об участии тех, кто противится воле единого истинного Бога, восхваляет Бога Израиля и открывает верующим прекрасную перспективу.

Книга начинается призывом:

Услышьте, народы гордой Азии, да и Европы тоже,
Как много Я пророчествую громкими устами,
Все истинно и от моего имени.
Это оракул не ложного Аполлона,
Которого тщеславные люди называют богом, хотя он и обманул;
Но могущественного Бога, которого человеческие руки
сделали не похожим на безмолвных идолов, высеченных из камня.

Сивилла говорит об истинном Боге, любовь к которому приносит благословение. Нечестивый восторжествовал на некоторое время, как восторжествовали Ассирия, Мидия, Фригия, Греция и Египет. Иерусалим падет, и Храм сгорит в огне, но последует возмездие, земля будет опустошена божественным гневом, раса людей, города и реки обратятся в дымящуюся пыль, если вовремя не придет время морального исправления. Затем записка Сивиллы превращается в пророчество о мессианском суде и блаженстве, и она заканчивает утешительным сообщением:

Но когда все превратится в груды пепла,
Бог погасит невыразимый огонь,
Который он однажды зажег, и кости и пепел
людей сам Бог снова преобразит,
И воскресит мертвых такими, какими они были прежде.
И тогда будет суд, сам Бог
сядет судьей и снова будет судить мир.
Столько же совершенных нечестивых грехов
Скроют глубины Стигийской Геенны
Под расплавленной землей и мрачным Тартаром.

Но благочестивые снова будут жить на земле,
И Бог даст им дух, жизнь и средства
к пропитанию, и все увидят самих себя,
Созерцая сладкий и жизнерадостный свет солнца.
О счастливейшие люди, которые в то время будут жить!

Евреи находили некоторое утешение в нынешних горестях в мысли о прошлых избавлениях. Краткий исторический отчет, известный как "Свиток поста" (*Мегиллат Таанит*), возможно, был начат до разрушения Храма, но завершен после смерти Траяна в 118 году. Этот свиток содержал тридцать пять кратких параграфов, написанных по-арамейски. Сборник, представляющий большую историческую ценность, составлен в соответствии с порядком еврейского календаря, начиная с месяца Нисан и заканчивая Адаром. Записи в списке относятся к дням, в которые считалось незаконным поститься, и многие из этих дней были годовщинами национальных побед. Мегиллат Таанит не содержит ликования по поводу этих триумфов, но представляет собой трезвое изложение фактов. Это ценный сохранившийся исторический труд, составленный евреями до их рассеяния из Палестины. Такие произведения отличаются от произведений Иосифа Флавия и Сивиллы своим мотивом. Они были разработаны не для того, чтобы вызвать восхищение иудаизмом у иностранцев, а для того, чтобы обеспечить точную запись для домашнего использования и вселить в евреев надежду среди угрожающих перспектив жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

Иосиф Флавий.

Английский перевод Уистона, переработанный Шиллето (1889).

Graetz.—II, с. 276 [278].

Сивиллины -Оракулы.

С.А. Хирш.—*Еврейские Сивиллины оракулы, J.Q.R.*, II, стр. 406.

ГЛАВА III

ТАЛМУД

- Я (220-280) Палестина —Йоханан, Симон, Иисус Навин, Симлай; Вавилония —Раб и Самуил.
- II (280-320) Палестина —Ами, Асси, Аббаху, Хия; Вавилония—Хуна и Зейра.
- III (320-380) Вавилония—Рабба, Аббаи, Рава.
- IV (380-430) Вавилония—Аши (первый сборник Вавилонского талмуда).
- V и VI (430-500) Вавилония—Рабина (завершение Вавилонского талмуда).

The *Талмуд*, или *Гемара* ("Учение" или "Завершение"), был естественным развитием Мишны. Талмуд действительно содержит много элементов, столь же древних, как Мишна, некоторые даже старше. Но, рассматриваемый в целом, Талмуд является комментарием к работе Таннаим. Она написана не на иврите, как Мишна, а на популярном арамейском. Есть два различных произведения, к которым применяется название "Талмуд"; одно - Иерусалимский талмуд (завершено около 370 года н.э.), другое - Вавилонский (завершено столетием позже). Сначала, как мы видели, раввинские школы были основаны на еврейской земле. Но Палестина больше не оказывала дружественного приема. При более терпимых правителях Вавилонии или Персии еврейская образованность нашла убежище от жестокости, которой подвергались правители Святой Земли. Вавилонские еврейские школы в Нехардее, Суре и Пумбедите быстро превзошли по репутации палестинские, и в 350 году н.э. из-за естественного упадка палестинские школы закрылись.

Соответственно, Талмуд - это не одно произведение, а два: одно - литературное произведение палестинских, другое - вавилонских *амораимов*. Последнее тем больше, чем больше изучено, тем лучше сохранилось, и здесь внимание будет в основном сосредоточено на нем. Талмуд - это не книга, это литература. Она содержит юридический кодекс, систему этики, свод ритуальных обычаев, поэтические отрывки, молитвы, истории, факты науки и медицины, а также народные предания.

Амораимы были, как следует из их названия, "Толкователями" или "Дискурсерами"; но их изложения часто были оригинальным вкладом в литературу. Их деятельность охватывает длительный период между 200 и 500 годами н.э. Амораимы, естественно, были людьми разного характера и положения. Некоторые обладали большим материальным достатком, другие были чрезмерно бедны. Но лишь немногие из них были профессиональными литераторами. Подобно таннаим, амораимы часто были ремесленниками, полевыми рабочими или врачами, чье сердце, безусловно, принадлежало литературе, но чьи руки были обращены к практическим делам жизни. Люди, занимавшие самое высокое социальное положение, князья времен плена в Вавилонии и патриархив Палестине, не всегда были наделены высшей властью. Некоторые из амораимов, опять же, были просто восприимчивыми, посредниками, через которые передавалась традиция; другие также были творческими людьми. Выражая тот же факт

раввинской метафорой, одни были синайцами познания, другие сворачивали горы и перемалывали их вместе с помощью острой и критической диалектики.

Старейший из амораимов, Ханина, сын Хамы из Сепфориса (180-260), был такой же твердой горой древней учености. С другой стороны, Йоханан, сын Напачи (199-279), обладавший ослепительной физической красотой, обладал более оригинальным умом. Его личное обаяние, возможно, придавало ему артистизм; для него греческий язык был наслаждением, "украшением женщин". Саймон, сын Лакиша (200-275 лет), обладающий крепкими мускулами и интеллектом, начинал жизнь как профессиональный спортсмен. Более поздний раввин, Зейра, был в равной степени известен своей слабой, невзрачной фигурой и своим проворным, изобретательным умом. Другой современник Йоханана, Иисус Навин, сын Левия, является героем многих легенд. Он был так нежен к бедным, что заявил о своей убежденности в том, что Мессия восстанет среди нищих и калек Рима. Симлай, родившийся в Палестине и мигрировавший в Нехардею в Вавилонии, был скорее поэтом, чем юристом. Он любил этические и поэтические элементы Талмуда, *Агаду*, как назывался этот аспект раввинской литературы в отличие от *Галахи*, или юридических элементов. Симлай часто вступал в дискуссии с отцами церкви на темы библейской экзегезы.

Теперь центр внимания переместился в Вавилонию. Здесь в 219 году абба Арека, или Раб (175-247), основал академию Сура, которая продолжала процветать почти восемь столетий. Он и его великий современник Самуил (180-257) вместе с Йохананом удостоены чести предоставить ведущие материалы, из которых состоит Талмуд. Самуил установил правило, которое, основываясь на высказывании пророка Иеремии, позволяло евреям жить и служить в нееврейских странах. "Закон страны есть закон", - сказал Самуил. Но он жил в царстве звезд так же, как и на улицах своего города. Сэмюэль был астрономом, и, как сообщается, он справедливо хвастался, что "он был так же хорошо знаком с расположением звезд, как с улицами Нехардеи". Он составил еврейский календарь, и его работа в этом направлении была доведена до совершенства Гиллелем II в четвертом веке. Как и у Симлая, у Раба и Самуила были друзья-язычники и христиане. Ориген и Иероним читали Священные Писания под руководством евреев. Языческий философ Порфирий написал комментарий к Книге Пророка Даниила. Точно так же Аббаху, который жил в Палестине немного позже, часто бывал в обществе образованных римлян, и его семья обучала его греческому языку. Аббаху был производителем вуалей для женской одежды, поскольку, как и многие амораимы, он презирал превращение учебы в средство существования. Скромность Аббаху в отношении своих собственных заслуг показывает, что раввин не обязательно был высокомерен в гордости за знания! Однажды лекцию Аббаху осаждала большая толпа, но аудитория его коллеги Чии была невелика. "Твое учение, - сказал Аббаху Чийе, - это редкая драгоценность, о которой может судить только знаток; мое - мишура, привлекающая взор каждого невежды".

Однако именно Раб был настоящим популяризатором еврейской учености. Он организовал курсы лекций как для народа, так и для ученых. Преемник Раба на посту главы школы Сура, Хуна (212-297), завершил работу Раба по превращению Вавилонии в главный центр еврейского образования. Хуна зарабатывал на жизнь возделыванием собственных полей, и его часто можно было встретить возвращающимся домой с лопатой через плечо. Именно такие люди, как этот, создали еврейскую традицию. Предшественник Хуны, однако, имел более богатый жизненный опыт, поскольку Раб был студентом в Палестине и поддерживал контакты с евреями во многих частях света. Со времен Раба ученость стала достоянием всего народа, и Талмуд,

помимо того, что является литературой еврейских университетов, может быть назван книгой масс. Она содержит не только юридические и этические результаты исследований ученых, но также мудрость и суеверия масс. Талмуд нельзя назвать национальной литературой, но он был уникальной связью между рассеянными евреями, непревзойденным духовным и литературным инструментом для сохранения самобытности иудаизма среди множества невзгод, которым подвергались евреи.

Талмуд многим обязан многим умам. Внешне на него оказали влияние народы, с которыми евреи соприкасались. Изнутри влияние наработу было столь же разнообразным. Йоханан, Раб и Самуил в третьем веке подготовили материал, из которого в конечном итоге был построен Талмуд. Само здание было построено учеными в четвертом веке. Рабба, сын Нахмани (270-330), Абайи (280-338) и Равы (299-352), внес последние штрихи в метод Талмуда. Рабба был человеком из народа; он ясно мыслил и любил привлекать всех желающих метким анекдотом. Рава обладал высоким чувством собственного достоинства и скорее пренебрегал потребностями обычного человека своего времени. Абайи больше походил на среднестатистического раввина, проникательного, добродушного, самоотверженного. Под влиянием людей с самыми разнообразными способностями ума и сердца Талмуд создавался постепенно, но с его фактическим составлением отчетливо связаны два имени. Это были Аши (352-427) и Рабина (умер в 499 году). Аши сочетал обширную образованность с острой логической изобретательностью. Ему нужно было и то, и другое для выполнения задачи, которой он посвятил полвека своей жизни. Он обладал обширной памятью, в которой хранились накопленные за шесть веков традиции, и был одарен упорядоченностью ума, которая позволяла ему иметь дело с этой ошеломляющей массой материалов.

Вряд ли возможно, чтобы после составления Талмуда он оставался устной книгой, хотя следует помнить, что память играла гораздо большую роль в прежние века, чем сейчас. Как бы то ни было, Аши, а вслед за ним и Рабина, выполнили великую работу по систематизации раввинской литературы в поворотный момент мировой истории. Мишна была начата в тот момент, когда Римская империя находилась в расцвете сил и славы; Талмуд был завершен в то время, когда Римская империя находилась в упадке. То, что евреи были спасены от подобного распада, во многом было связано с Талмудом. Таким образом, Талмуд является одной из великих книг мира. Несмотря на свои недостатки, чрезмерную казуистику, отсутствие стиля и формы, огромную массу подробных законов и ограничений, это, тем не менее, великая книга сама по себе. Здесь невозможно рассматривать его далее в его религиозных аспектах. Но кое-что должно быть сказано в следующей главе той части раввинской литературы, которая известна как *мидраш*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Талмуд.

Эссе Э. Дойча и А. Дарместетера (Еврейское издательское общество Америки).

Graetz.—II, 18-22 (персонаж Талмуда, конец гл. 22).

- Карпелес.—*Еврейская литература и другие очерки*, стр. 52.
- Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 20.
- Шиллер-Синесси.—*Энцикл. Брит.*, Т. XXIII, стр. 35.
- М. Мильзинер.—*Введение в Талмуд* (Цинциннати, 1894).
- С. Шехтер.—*Некоторые аспекты раввинского богословия*, J.Q.R., VI, стр. 405 и др.
- *Исследования по иудаизму* (Еврейское издательское общество Америки, 1896), стр. 155, 182, 213, 233 [189, 222, 259, 283].
- Б. Шпили.—*Школьная система Талмуда* (Лондон, 1898) (с приложением о Баба Каме); *Троишный шнур* (1893) о Синедрione, Бабе Меции и Бабе Батре.
- М. Ястроу.—*История и будущее текста Талмуда* (Публикации колледжа Граца, Филадельфия, 1897, том I).
- П.Б. Бенни.—*Уголовный кодекс евреев согласно Талмуду* (Лондон, 1880).
- С. Мендельсон.—*Уголовное право древних евреев* (Балтимор, 1891).
- Д. Кастелли.—*Будущая жизнь в раввинской литературе*, J.Q.R., I, стр. 314.
- М. Гюдемманн.—*Дух и буква в иудаизме и христианстве, там же.*, IV, стр. 345.
- И. Харрис.—*Возникновение и развитие Массоры, там же.*, I, стр. 128 и др.
- Х. Полано.—*Талмуд* (Филадельфия, 1876).
- И. Майерс.—*Драгоценные камни из Талмуда* (Лондон, 1894).
- Д.В. Амрам.—*Еврейский закон о разводе согласно Библии и Талмуду* (Филадельфия, 1896).
-

ГЛАВА IV

МИДРАШ И ЕГО ПОЭЗИЯ

Мехилта, Сифра, Сифре, Песикта, Танчума, Мидраш Рабба, Ялкуп.—Притчи.—Притчи.—Басни.

В своих самых ранних формах, идентичных Галахе, или практическим и юридическим аспектам Мишны и Талмуда, мидраш в своем более полном развитии стал самостоятельной ветвью

раввинской литературы. Как и Талмуд, мидраш имеет составную природу, и под одним названием объединены накопления веков. Некоторые из его содержаний появились раньше завершения написания Библии, другие были собраны и даже созданы совсем недавно, в десятом или одиннадцатом веке нашей эры.

Мидраш ("Изучение", "Вопрошание") был в первую очередь *Объяснением Священных Писаний*. Это объяснение часто является ясным, естественным изложением текста и обеспечивает соблюдение правил поведения, как этических, так и ритуальных. Исторические и моральные традиции, которые группировались вокруг событий и персонажей Библии, вскоре получили более яркое оформление. Поэтическое чутье раввинов выразилось в обширном и прекрасном множестве легендарных дополнений к Библии, но эти дополнения всегда разрабатываются с моральной целью, чтобы придать смысл проповеди проповедника или вдохновить воображение аудитории более благородными фантазиями. Таким образом, мидраш является не только разъяснительным, но и дидактическим и поэтичным, мораль которого передается в *форме повествования*, расширяющего и развивающего содержание Священного Писания. Мидраш дает результаты того глубокого изучения Священных Писаний, которое стало второй натурой евреев, а также представляет изменения и расширения этических и теологических идеалов применительно к меняющейся и растущей жизни.

И с другой точки зрения, мидраш - это поэтическая литература. Его функция как разновидности *популярной гомилетики* сделала необходимым обращение к эмоциям. В своем теплом и живом применении абстрактных истин к повседневным целям, в своем отзывчивом и обнадеживающем усилении близости Бога к Израилю, в своей идеализации прошлого и будущего евреев он использовал искусство поэта по сути, хотя и не по форме. Позже будет видно, что в другом смысле мидраш - это поэтическая литература, использующая народные предания, притчу, пословицу, аллегорию и басню, и часто использующая их на языке поэзии.

Самый старый мидраш - это фактический отчет о проповедях и обращениях эпохи таннаитов; последний - средневековая компиляция из всех дошедших до нас источников. Произведения, к которым применяется название Мидраш, - это *Мехилта* (к Исходу); *Сифра* (к Левиту); *Сифре* (к Числам и Второзаконию); *Песикта* (к различным разделам Библии, откуда и его название); *Танхума* (к Пятикнижию); *Мидраш Рабба* ("великий мидраш", к Пятикнижию и Пять свитков Есфири, Руфи, Плача, Экклезиаста и Песни Песней Песней); и *мидраш Аггадол* (идентичный по названию и содержанию, сходный, но не идентичный *мидрашу Рабба*); вместе с большим количеством собранных мидрашей, таких как *Ялкут*, и множеством более мелких произведений, некоторые из которых больше не сохранились.

Что касается Мидраша в его чисто литературных аспектах, мы находим его стиль гораздо более ясным, чем стиль Талмуда, хотя отдельные части галахического мидраша идентичны по характеру Талмуду. В мидраше есть много отрывков, в которых простое изящество формы соответствует красоте идеи. Но по большей части стиль прост и прозаичен, а не вычурен или поэтичен. Оно производит свой эффект самыми простыми средствами и поражает современного читателя отсутствием утонченности в форме. Мертвый уровень банальных выражений, однако, скрашивается блестящими отрывками, которые часто встречаются. Молитвы, пословицы, притчи и басни одинаково усеивают страницы Талмуда и мидраша. Древние *пословицы* евреев были чем-то большим, чем просто фрагментами из блока опыта. Это

были стихи из-за использования в них метафор, аллитерации, ассонанса и воображения. Раввинские пословицы демонстрируют все эти поэтические качества.

Тот, кто крадет у вора, пахнет воровством.—Благотворительность - соль богатства.—Молчание - ограда Мудрости.—Многие старые верблюды носят шкуры своих детенышей.—Две сухие палочки и одна зеленая сгорают вместе.—Если священник украдет бога, на чем можно принести клятву?—Все красильщики не смогут отбелить вороново крыло.—В колодец, из которого ты пил, не бросай камня.—Горе хлебу, который пекарь называет испорченным.—Клевета - это Змея, которая жалит в Сирии и убивает в Риме.—Голубка сбежала от Орла и нашла Змею в своем гнезде.—Не говори секретов, ибо у Стены есть уши.

Эти, как и многие другие раввинские пословицы, по сути своей поэтичны. Некоторые из них действительно представляют собой либо развернутые метафоры, либо метафоры, воплощенные гением в поэзию. Аллитеративные пословицы и изречения Талмуда и мидраша проиллюстрировать труднее. Иногда они заключают в себе каламбур или самомнение, или их уместность зависит от созвучия. В некоторых талмудических пословицах присутствует оттенок цинизма. Но большинство из них демонстрируют добродушное отношение к жизни.

Поэтическая пословица легко переходит в притчу. Любимая во времена Библии притча стала спустя столетия самой популярной формой дидактической поэзии среди евреев. В Библии есть свои притчи, но Мидраш переполнен ими. Иногда они представляют собой переработку старых мыслей, но в основном это оригинальные творения, придуманные с особой целью, истории, придуманные для того, чтобы донести мораль, аллегории, облеченные в приятную оболочку неприятной сатиры или предостережения. Во все века, вплоть до настоящего времени, еврейские моралисты полагались на притчу как на свой самый эффективный инструмент. Поэтичность еврейских притч характерна также для притч, заимствованных из еврейских, но последние обладают свойственной им отличительной чертой. Это их юмор, остроумная или юмористическая притча исключительно еврейского происхождения. Притча менее спонтанна, чем пословица. Это продукт нравственной поэзии, а не народной мудрости. И все же притча была настолько похожа на пословицу, что мораль притчи часто становилась новой пословицей. Изложение притчи, естественно, более витиеватое. Благодаря красоте выражения, частому применению сельских происшествий к жизни, знакомой в городах, ритму и течению ее периодов, богатому воображению притча, несомненно, должна занять высокое место в мировой поэзии. Но это была поэзия *стенденцией*, *машал*, или притча-пословица, как ее называли сами раввины, "ясный маленький огонек, при помощи которого можно найти потерянные драгоценности".

Ниже приводится притча Гиллеля, которая здесь приведена скорее для упоминания этого благородного, кроткого Мудреца, чем как образец литературы такого рода. Гиллель принадлежит к более раннему периоду, чем тот, о котором идет речь в этой книге, но его любящий и чистый дух дышит на страницах Талмуда и мидраша:

Гиллель, кроткий, любимый мудрец,
день за днем разъяснял священную страницу
своим ученикам в доме учения;
И день за днем, когда накануне возвращались домой,

Они задерживались, собираясь вокруг него, не желая расставаться
С тем, чье мягкое правление покорило каждое сердце.
Но с тех пор, когда они стали умолять
О более долгой беседе, он быстро двинулся дальше,
Говоря каждый день: "Я ухожу — час уже поздний —
Позаботиться о госте, который ждет моего прихода", -
Пока, наконец, они не сказали: "Раввин шутит,
Когда ежедневно говорит нам так о своих гостях,
Которые ждут его". Раввин немного помолчал,
А затем ответил: "Думаете, я обманываю
Вас пустой сказкой?" Воистину, это не так!
У меня гость, о котором я должен позаботиться по-настоящему.
Разве душа человека действительно не гость,
Который в этом теле соизволяет ненадолго отдохнуть,
И мирно пребывает со мной весь сегодняшний день:
Разве завтра она не могла бы улететь?"

Необходимо найти место для еще одной притчи, взятой (как и многие другие поэтические цитаты в этом томе) из переводов миссис Лукас :

Симеон бен Мигдал на исходе дня случайно забрел
На берег океана,
И там на пути ему встретился человек неотесанного вида,
Карлик и уродец.

"Здравствуй, равви", - сказал проходивший мимо незнакомец,
но Симеон столь же невежливо ответил:
"Скажи, много ли в твоём городе еще таких,
как ты, оскорбляющих взор?"

"Нет, этого я не могу сказать", - сказал странник,
"Но если ты хочешь заниматься ремеслом насмешника,
пойди сначала и спроси мастера-гончара, почему
Он сделал сосуд такой уродливой формы?"

Тогда (так гласит легенда) раввин понял,
Что он согрешил, и пал ниц
К ногам другого, моля его
о прощении за слова, о которых теперь сожалела его душа.

Но тот все еще отвечал, как и прежде:
"Шепни на ухо Горшечнику свои жалобные излияния,
Ибо кто я такой! Его рука сотворила меня,

И я в смиренной вере обожаю эту руку".

Братья, не слишком ли часто мы забываем,
Чья рука не раз облекала
сияющую душу в непривлекательную форму,
прекрасную белую птицу, запертую в ветхую сеть?

Более того, разве жизненные моменты и шансы, посланные
великим Мастером с намерением
, чтобы они оказались благословением, часто не кажутся
нам бременем, о котором мы горько сожалеем?

Ах! душа, бедная душа человека! какой небесный огонь
взволновал бы твои глубины и вдохновил любовь к Богу,
Если бы ты только увидел, как раскрывается рука Мастера,
Величественно сдвигающая "схему земных вещей целиком".

Этого не может быть! Незримо Он ведет нас,
Но все же наши слабые руки могут зажечь сияющий
Чистый светильник веры, чтобы прославить
Узкий путь, который Он проложил для нас.

Наконец, есть *Басни о зверях* из Талмуда и Мидраша. Большинство из них были прямо или косвенно заимствованы из Индии. В Талмуде говорится, что рабби Меир знал триста басен о Лисах, и что с его смертью (около 290 года н.э.) "баснописцами перестали быть", сохранилось очень мало басен Меира, так что невозможно установить, были ли они оригинальными. В Талмуде и Мидраше всего тридцать басен, и некоторые из них не могут найти аналогов в других произведениях литературы. Некоторые из талмудических басен встречаются также в классических и самых ранних индийских сборниках; некоторые - в более поздних сборниках; некоторые - в классических, но не в индийских списках; некоторые - в Индии, но не у латинских и греческих авторов. Среди последних - хорошо известная басня о *Лисе и рыбах*, столь драматично использованная рабби Акибой. Джейкобсу, следующие оригинальные талмудические басни: *Мякина, солома и пшеница*, которые спорят, для кого из них было посеяно семя: веялка вскоре решает; *Птица в клетке*, которой завидует ее свободный товарищ; *Волк и две Гончие*, которые поссорились; волк хватается одну, другая идет на помощь своему сопернику, сам опасаясь той же участи завтра, если он не поможет другой собаке сегодня; *Волк у колодца*, устье колодца закрыто сетью: "Если я спущусь в колодец, - говорит волк, - меня поймут. Если я не спущусь, я умру от жажды"; *Петух и Летучая Мышь*, которые сидят вместе в ожидании восхода солнца: "Я жду рассвета, — сказал петух, - потому что свет — мой сигнал; но что касается тебя, свет — твоя погибель"; и, наконец, то, что мистер Джейкобс называет мрачной сказкой о *Лисе как Певице*, в которой звери, приглашенные львом на пир и укрытые им шкурами диких зверей, хором исполняются лисой: "Я жду рассвета, - сказал петух, - потому что свет - мой сигнал; но что касается тебя, свет - твоя гибель". То, что случилось с теми,

кто выше нас, случится и с ним наверху", подразумевая, что их хозяин тоже умрет насильственной смертью. В данном контексте басня применима к Аману, чья судьба, согласно предзнаменованию, будет похожа на судьбу двух офицеров, вину которых обнаружил Мардохей.

Такие басни используются в Талмуде для обозначения религиозной или даже политической морали, точно так же, как и притчи. Басня, однако, стояла на более низком уровне, чем притча, и ее мораль была основана на целесообразности, а не на высших этических идеалах. Значение талмудических басен больше историческое, чем литературное или религиозное. Еврейские басни являются одним из звеньев, соединяющих популярную литературу Востока с литературой Запада. Но вряд ли они в истинном смысле принадлежат еврейской литературе. С другой стороны, притчи были важной и характерной ветвью этой литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мидраш.

Шиллер-Синесси.—*Энцикл. Брит.*, Т. XVI, стр. 285.

Graetz.—II, с. 328 [331] *далее*.

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 5 *след.*, 36 *след.*

Л.Н. Дембиц.—*Еврейские службы в синагоге и дома* (Еврейское издательское общество Америки, 1898), стр. 44.

БАСНИ.

Дж. Джейкобс.—*Басни Эзопа* (Лондон, 1889), I, стр. 110 *далее*.

Прочитайте также Schechter, *Studies in Judaism*, стр. 272 [331]; и J.Q.R., (Kohler), V, стр. 399; VII, стр. 581; (Бахер) IV, стр. 406; (Дэвис) VIII, стр. 529; (Абрахамс) I, стр. 216; II, стр. 172; Ченери, *Легенды из мидраша* (Сборник Общества еврейской литературы, том. II).

ГЛАВА V

оглавление

БУКВЫ ГАОНИМА

Представительные гаונים:

Ахאי, Амрам, Цемах, Саадия, Шерира, Самуэль, Хай.

В течение нескольких столетий после завершения работы над Талмудом Вавилония или Персия продолжали удерживать первенство в еврейском образовании. Великие учителя персидских школ следовали тем же принципам, что и их предшественники в Мишне и Талмуде. Их имя было изменено больше, чем их характер. Титул *Гаон* ("Выдающийся") присваивался главе школы, члены которой посвящали себя в основном изучению и интерпретации более древней литературы. Они также внесли оригинальный вклад в создание *магацина*. Из их обширных работ мало что сохранилось. То, что сохранилось, доказывает, что они были одарены способностью применять старые заповеди к современным примерам. Они регулировали социальные и религиозные дела всех евреев диаспоры. Они усовершенствовали методы обучения и были пионерами в популяризации обучения. С помощью большого набора прецедентного права, то есть решений по конкретным делам, они привели новую еврейскую жизнь в моральную гармонию с принципами, сформулированными прежними раввинами. Гаונים были создателями или, по крайней мере, распорядителями отдельных частей литургии. Они сочинили новые гимны и призывы, установили порядок богослужения и в полную силу внедрились систему *Минхаг*, или Обычай, сила которого становилась все более и более преобладающей не только в религиозных, но и в общественных и коммерческих делах.

Литературные произведения эпохи Гаоников начинаются с *Шилтота*, написанного Ахаем в 760 году. Эта первая независимая книга, составленная после закрытия Талмуда, была, как ни странно, составлена в Палестине, куда Ахאי мигрировал из Персии. Шилтот ("Вопросы") содержит почти двести проповедей по Пятикнижию. В 880 году другой гаон, по имени Амрам, подготовил *Сиддур*, или Молитвенник, который включает в себя множество замечаний по истории литургии и связанных с ней обычаев. Современник Амрама, Цемах, сын Палтои, нашел другое русло для своей литературной энергии. Он составил *Арух*, или Талмудический словарь. О самом активном из гаоников, Саадии, подробнее будет сказано в следующей главе. Теперь мы перейдем к Шерире, который в 987 году написал свое знаменитое "Письмо", содержащее историю еврейской традиции, труд, который характеризует автора как образованного и критически настроенного. Это показывает, что гаונים не боялись и не были неспособны столкнуться с такими проблемами, как эта: была ли Мишна *устно* передана амораимам (или раввинам Талмуда), или она была *записана* составителем? Шерира приняла первый вариант. Последние гаונים были гораздо продуктивнее предыдущих. Самуил, сын Хофни, умершего в 1034 году, и последний из гаоников, Хай, процветавший с 998 по 1038 год, были авторами многих работ по Талмуду, Библии и другим разделам еврейской литературы. Хай Гаон тоже был поэтом.

Языком, которым пользовались гаונים, сначала были иврит и арамейский, и последний оставался официальной речью гаоната. Со временем арабский вытеснил арамейский диалект и стал *языком общения* евреев.

Официальные труды гаонимов, за некоторыми очевидными исключениями, однако, не были теми произведениями, которыми они оставили свой след в своей эпохе. Наиболее оригинальными и важными из гаонических сочинений были их "Письма", или "Ответы" (*Тешубот*). Гаонимы, как главы школ в вавилонских городах Сура и Пумбедита, пользовались гораздо большим авторитетом, чем просто местная власть. Евреи Персии были практически независимы от внешнего контроля. Их официальными главами были экзилархи, которые правили евреями как наместники халифов. Гаонимы были религиозными главами эмансипированного сообщества. Экзилархи обладали княжеским доходом, который они частично направляли на школы, которыми руководили гаонимы. Это авторитетное положение, дополнявшее всемирную репутацию двух школ, придавало гаонимам влияние, которое распространялось за пределы их собственного района. Со всех концов еврейского мира к ним обращались за советом и интересовались их мнением по самому разнообразию тем, главным образом, но не исключительно, религиозных и литературных. На фоне растущих сложностей ритуального права ощущалась потребность в кратких предписаниях, четких решениях и правилах поведения. Несовершенство обучения за пределами Персии, опять же, сделало необходимым обратиться к гаониму за авторитетным разъяснением трудных отрывков из Библии и Талмуда. На все подобные запросы гаоним присылал ответы в форме писем, иногда адресованных отдельным корреспондентам, иногда общинам или группам общин. Эти письма и другие сборники, содержащие галахические (или практические) решения, впоследствии были собраны в трактаты, такие как "Великие правила" (*Галахот Гедолот*), первоначально составленные в восьмом веке, но впоследствии переизданные. В основном, однако, письма остались в распущенном виде и были собраны в гораздо более поздние времена.

Буквы гаонимов мало претендуют на литературную форму. Это самые ранние образцы того, что стало очень характерной ветвью еврейской литературы. "Вопросы и ответы" (*Шаалот у-Тешубот*) изобилуют в более поздние времена во всех еврейских кругах, и ни в какой другой литературе нет им реальной параллели. Подробнее об этих любопытных произведениях будет сказано позже. Что касается гаонического периода, то характерными чертами этих тысяч писем являются ясность мысли и лаконичность выражения. Гаонимы никогда не тратят слов понапрасну. Они редко проявляют излишнюю выдержку, но в основном используют тон, который является скорее убедительным, чем дисциплинарным. Таким образом, гаонимы были в этом реальном смысле князьями письма. Более того, хотя их Письма почти полностью касаются современных событий, сейчас они представляют собой такое же свежее и яркое чтение, как и тогда, когда были написаны впервые. Подвергнутые суровому испытанию временем, Буквы Гаонима выходят победителями.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГАОНИМ.

Грец.—III, 4-8.

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 25.

ГЛАВА VI

КАРАИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анан, Нахавенди, Абул-Фарадж, Салман, Сахал, аль-Базир, Хасан, Иафет, Киркисани, Иуда Хадасси, Исаак Троки.

В самом сердце Гаоната восьмой век стал свидетелем религиозной и литературной реакции против раввинизма. Оппозиция раввинитскому духу была намного старше этого, но она достигла апогея при Анане, сыне Давида, основателе караизма. Анан был неудачным кандидатом на звание экзиларха, и, следовательно, в его нападении на гаоним были замешаны личные мотивы. Но для восстания были и другие причины. В том же столетии исламу, как и иудаизму, угрожал ожесточенный антагонизм между друзьями и врагами традиции. В исламе борьба шла между суннитами, которые интерпретировали магометанство в соответствии с авторитетной традицией, и шиитами, которые полагались исключительно на Коран. Точно так же в иудаизме раввиниты подчинялись традициям более ранних авторитетов, а караимы (от *Кера*, или *микра*, то есть "Библия") заявили о праве отвергнуть традицию и вернуться к Библии как первоначальному источнику вдохновения. Подобные реакции против традиции повторяются во всех религиях.

Караизм, однако, не был истинной реакцией против традиции. Она заменила старую традицию новой; она заменила жесткий, непрогрессивный авторитет авторитетом, способным к росту и адаптации к меняющимся требованиям. В конце концов, караизм настолько замкнулся в своем предполагаемом избегании традиций, что перестал быть живой силой. Но нас здесь интересуют не религиозные дефекты караизма. Рассматриваемый с литературной стороны, караизм производил двойной эффект. Караизм сам по себе дал рождение оригинальной и великолепной литературе, и, с другой стороны, появившись в то время, когда арабская наука и поэзия достигали своего золотого зенита, караизм пробудил в среде раввинистов заметную энергию, результатом которой стали одни из лучших произведений средневековых евреев.

Одним из самых известных караимских авторов был Бенджамин Нахавенди, живший в начале девятого века и проявивший большую решительность и способности как сторонник свободомыслия в религии. Нахавенди не только писал комментарии к Библии, но и пытался написать философию иудаизма, будучи в прошлом в союзе с Филоном и арабскими писателями своего времени. В конце девятого века Абул-Фарадж Харун сделал большой шаг вперед как толкователь Библии и авторитет в области грамматики иврита.

В течение девятого и десятого веков несколько караимов проявили большую энергию и способности в своих спорах с гаонимами. В этой области наиболее выдающимися караимскими

писателями были Салман, сын Йерухама (885-960); Сахал, сын Мазлиаха (900-950); Иосиф аль-Базир (процветал в 910-930); Хасан, сын Машиаха (930); и Иафет, сын Али (950-990).

Салман, сын Йерухама, был активным путешественником; родившись в Египте, он в молодости отправился в Иерусалим, где прожил несколько лет, хотя время от времени навещал Вавилонию и свою родину. Эти путешествия помогли объединить разрозненные караимские общины. Помимо своих библейских работ, Салман написал поэтический трактат против раввинитских теорий. Этой книге, написанной на иврите, Салман дал название "Войны Господни".

Сахал, сын Мазлиаха, с другой стороны, был уроженцем Святой Земли, и хотя он был страстным автором полемики против раввинистов, он сыграл меньшую роль, чем Салман, в практическом развитии караизма. Его "Грамматика иврита" (*Сефер Дикдук*) и его Лексикон (*Лешон Лимудим*) были очень популярны. В отличие от работ других караимов, труды Джозефа аль-Базира были философскими и не имели филологической ценности. Он был приверженцем мусульманского теологического метода, известного как Калам, и писал в основном по-арабски. Другой караим того же периода, Хасан, сын Машиаха, был тем, кто побудил Саадию отказаться от всех резервов и войти в списки защитников раввинизма. Из оставшихся караимов десятого века выдающимся был Иафет, сын Али, чьи комментарии к Библии представляют собой высшие достижения караизма. Большой словарь иврита (*Iggaron*), составленный современником Иафета по имени Давид, сыном Авраама, также является работой, которую часто цитировали. Киркисани, также караим десятого века, завершил в 937 году трактат под названием "Книга огней и высших маяков". В этой работе содержится много ценной информации по истории караизма. Несмотря на свои естественные предубеждения в пользу своей собственной секты, Киркисани является добросовестным историком, столь же откровенным в отношении внутренних разногласий караимов, как и в изображении расхождения во взглядах среди раввинистов. Таким образом, работа Киркисани имеет величайшее значение для истории еврейских сект.

Наконец, знаменитый караим Иуда Хадасси (1075-1160) был молодым человеком, когда его родной Иерусалим был взят штурмом крестоносцами в 1099 году. Странствуя по Константинополю, он посвятил себя науке, еврейской филологии и греческой литературе. Он использовал свои обширные знания в своем великом труде "Гроздь кипрских цветов" (*Эшкол ха-Кофер*), который был завершен в 1150 году. Она написана серией рифмованных алфавитных акростихов. Она энциклопедична по объему и критически относится не только к иудаизму, но также к христианству и исламу.

Караимская литература создавалась и в более поздние века, но к концу XII века караизм исчерпал свою оригинальность и плодородие. Однако один гораздо более поздний продукт караизма заслуживает особого упоминания. Исаак Троки написал в 1593 году произведение под названием "Укрепление веры" (*Чиззук Эмуна*), в котором автор защищал иудаизм и нападал на христианство. Это была ясная книга, и поскольку ее аргументы были популярно изложены, ее очень много читали и использовали. За этим исключением караизм не создал никакой важной работы после двенадцатого века.

Таким образом, с интеллектуальной точки зрения караизм был мощным, хотя и эфемерным движением. В нескольких областях науки и филологии караимы внесли реальный вклад в современные знания. Но главное служение караизма было косвенным. Евреи-раввиниты, представлявшие основную массу народа, были на пути к собственному научному и

философскому развитию еще до возникновения караизма. Необходимость борьбы с караизмом его собственным оружием дала мощный импульс новому движению в раввинизме, и некоторые из лучших работ Саадии были вдохновлены караимской оппозицией. Однако прежде чем мы обратимся к творчеству Саадии, мы должны рассмотреть другое литературное течение, которое по времени совпало с возникновением караизма, но было полностью независимым от него.

БИБЛИОГРАФИЯ

КАРАИМЫ.

Грец.—III, 5 (о Троках, *там же.*, IV, 18, конец. М. Мокатта, "Укрепленная вера", Лондон, 1851).

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 115 далее.

В. Бахер.—*Киркисани Караит и его работа о еврейских сектах*, JQR, VII, стр. 687.

---- "Эшкол Хаккофер" Иегуды Хадасси, JQR, VIII, стр. 431.

С. Познанский.—*Караимские сборники*, J.Q.R., VIII, стр. 681.

ГЛАВА VII

НОВОЕВРЕЙСКИЙ ПИЮТ

Калирийский и испанский Пиютим (Стихи).—Джаннай.—Калир.

Арабский язык в значительной степени заменил иврит как литературный язык евреев, но иврит продолжал оставаться языком молитвы. Как простая литературная форма, раввинский иврит сохранял сильную власть над евреями; как средство выражения религиозного чувства, иврит царил безраздельно. Самыми ранними дополнениями к постоянной литургии в синагоге были стихи в прозе. Это были "Случайные молитвы", составленные регентом для особого случая. Соответствующая мелодия или распевсопровождал новый гимн, и если стихотворение и мелодия соответствовали популярному вкусу, то и то, и другое занимало постоянное место в местной литургии. Гимны не были рифмованными и неметричными, но, возможно, они были написаны в форме алфавитных акростихов, таких, какие встречаются в 119-м и нескольких других Псалмах.

Не исключено, что размер и рифма естественным образом произошли от библейского иврита. Рифма в Библии неизвестна, но встречающиеся созвучия могут легко перейти в рифму.

Музыкальная форма, безусловно, присутствует в еврейской поэзии, хотя строгие размеры ей чужды. Однако, как исторический факт, рифмованные стихи на иврите можно отнести, с одной стороны, к сирийскому языку, с другой - к арабскому влиянию. В последнем случае влияние было только внешним. Ранняя арабская поэзия повествует о войне и любви, но первые еврейские рифмоплеты воспевали мир и долг. Араб писал для лагеря, еврей - для синагоги.

В еврейском кругу возникли два различных типа стиха, или *пиют* (то есть Поэзия): изобретательный и естественный. В первом случае стиль резкий и запутанный; изобилие редких слов и неясных аллюзий встречает и беспокоит читателя; стиху недостает всей красоты формы, но он полон мощной духовной силы. Этот стиль часто называют калирианским, по имени его лучшего представителя. Калирианский пиют в конце концов распространился главным образом во Франции, Англии, Бургундии, Лотарингии, Германии, Богемии, Польше, Италии, Греции и Палестине. Другой тип новоеврейского пиюта, испанский, достигает более высокой красоты формы. Он не свободен от калирианских недостатков, но имеет их в менее выраженной степени. Испанский пиют в руках одного или двух мастеров становится настоящей поэзией, поэзией как по форме, так и по идее. Испанский стиль преобладал в Кастилии, Андалусии, Каталонии, Арагоне, Майорке, Провансе и в странах, где арабское влияние было наиболее сильным.

Калир был самым популярным автором более раннего типа новоеврейской поэзии, но он не был ее создателем. Его старшим современником, от которого он перенял и свою дикцию, и свой метод обращения с поэтическими сюжетами, был Джаннаи. Хотя мы знаем, что Джаннаи был плодовитым писателем, сохранилось всего семь коротких примеров его стихов. Одним из них является популярный гимн "Это было в полночь", который до сих пор декламируют "немецкие" евреи на домашней службе в первый канун Песаха. В нем по порядку рассказывается об избавлениях, которые, согласно Мидрашу, были совершены для Израиля в полночь, от победы Авраама над четырьмя царями до пробуждения Артаксеркса, кризиса Книги Есфирь. В последней строфе содержится молитва о будущем искуплении:

Приблизьте час, который не бывает ни днем, ни ночью!
Всевышний! объяви, что твой день и твоя ночь!
Проясни, как день, темноту нашей ночи!
Как встарь, в полночь.

Эта форма стихосложения с бегущим припевом впоследствии стала очень популярной среди еврейских поэтов. Джаннаи также демонстрирует резкие аллитерации, ученые намеки на мидраш и Талмуд, которые Калир довел до крайности.

Странно, что невозможно с какой-либо уверенностью установить дату, когда жили Джаннаи и Калир. Калир может относиться к восьмому или девятому веку. Столь же трудно определить место его рождения. Конкурирующие теории утверждают, что он родился в Палестине и на Сардинии. Его имя произошло от Кальяри на Сардинии и от латинского *calyrum* "пирог". Медовые лепешки давали еврейским детям при их первом поступлении в школу, и прозвище "Калири", или "Мальчик с тортом", возможно, возникло из-за его раннего развития. Но все это лишь догадки.

Более вероятно, что поэт был также исполнителем своих собственных стихов. Его первыми слушателями, вероятно, были ученые, и это, возможно, побудило Калира предаться невежественной учености, которая портит его гимны. В худшем своем проявлении Калир действительно очень плох; тогда его стиль представляет собой нагромождение слов, смысл которых неясен и даже непонятен. Он использует лабиринт алфавитных акростихов, строка за строкой вплетая в свои композиции слова из последовательных библейских текстов. И все же даже в худшем случае он изобретателен и энергичен. Такие фразы, как "наброситься на это, как ястреб на воробья", по крайней мере, смелы и эффективны. Позже Ибн Эзра сетовал, что Калир обращался с ивритом как с городом, не окруженным стенами. Но если поэт слишком свободно допускал странные и уродливые слова, он добавил многие из них значительной силы и красоты. Калир справедливо полагал, что для того, чтобы иврит оставался живым языком, было бы абсурдно ограничивать этот язык словарным запасом Библии. Поэтому он изобрел много новых глаголов из существительных.

Но его изобретательность была менее заметна, чем его ученость. "С позволения Бога, я буду говорить загадками", - говорит Калир, открывая молитву о росе. Загадки в основном представляют собой умные аллюзии на мидраш. Было отмечено, что эти аллюзии часто безвкусны и неясны. Но чаще они красивы и вдохновляющи. Ни один еврейский поэт в средние века не был неграмотным, поскольку поэтический инстинкт питался фантазиями мидраша. Этим объясняется отсутствие в них свежести и оригинальности. Поэт был ученым, а также учителем. Большая часть работ Калира носит дидактический характер; в них излагаются традиционные объяснения Библии и ритуальных законов, касающихся субботы и праздников; в них приводится удобное изложение шестисот тринадцати заповедей, в которые были сведены обязанности Закона. Но сверх всего этого гений Калира воспаряет до поэтических высот. Так много было сказано о безвестности Калира, что справедливости ради следует привести одну цитату о Калире в его самом простом и лучшем проявлении. Этот отрывок взят из гимна, исполняемого в седьмой день Кущей, в день великой Осанны:

О, внимли молитве тех, кто жаждет твоего спасения,
Радующихся пред тобою ивами у ручья,
И спаси нас сейчас!

О, спаси виноградник, который ты насадил,
И изгони оттуда чужеземцев, и спаси нас сейчас!
О, взгляни на завет, который ты заключил с нами!
О, вспомни ради нас отца, который знал тебя,
которому ты тоже открыл свою любовь,
И спаси нас сейчас!

О, поступай чудесно с чистыми сердцем,
Чтобы твое провидение было видно людям, и спаси нас сейчас!
О, подними с земли затонувшие врата Сиона,
Возвеличь место, к которому обращены все наши взоры,
И спаси нас сейчас!

Такие гимны снискали Калиру популярность, которая, однако, сейчас сильно идет на убыль.

БИБЛИОГРАФИЯ

КАЛИР И ДЖАННАИ.

Грец.—III, 4.

Переводы стихотворений в изданиях the Prayer-Book и J.Q.R., VII, стр. 460; IX, стр. 291.

Л.Н. Дембиц, —*Еврейские службы*, стр. 222 далее.

ГЛАВА VIII

СААДИЯ ИЗ ФАЮМА

Перевод Библии на арабский язык. —Основа еврейской философии религии.

Саадия родился в Фаюме (Египет) в 892 году и умер в Суре в 942 году. Он был основателем новой литературы. По уровню культуры он превосходил всех своих еврейских современников. Для него иудаизм был синонимом культуры, и поэтому он стремился впитать в иудаизм все литературные и научные тенденции своего времени. Во-первых, он создал еврейскую философию, то есть применил к еврейскому богословию философские методы арабов. Опять же, хотя он решительно выступал против караизма, он перенял его любовь к филологии и своим переводом Библии на арабский язык способствовал более глубокому пониманию Священных Писаний.

В возрасте тридцати шести лет Саадия удостоился замечательной чести; он был вызван в Суру, чтобы занять пост гаона. Это избрание иностранца главой вавилонской школы доказывает, во-первых, что Вавилония утратила свое прежнее господство, и, во-вторых, что Саадия уже завоевал всемирную известность. Однако великий труд, на котором сейчас зиждется его репутация, тогда еще не был написан. Дурная слава Саадии была обусловлена его успешным выступлением в защиту раввинизма против караимов. Его решимость, его ученость, его оригинальность были заметны в его ранних трактатах против Анана и его последователей. Раввиниты ранее выступали против караизма в партизанской войне. Саадия вышел на открытое место, встретился с врагом и разгромил его в ожесточенных боях. Но он сделал больше, чем просто победил захватчика, он укрепил оборону дома. Полемические работы Саадии всегда имеют как положительное, так и отрицательное значение. Он хотел доказать, что караизм ошибочен, но он также пытался показать, что раввинизм прав.

Таким образом, Саадия, как поборник раввинизма, был призван в Суру. Но у него были и другие претензии на отличие. Караимы основывали свою позицию на Библии. Саадия решил, что обращение к Библии не должно быть ограничено учеными. Он перевел Священные Писания на арабский и добавил примечания. Саадия подходил для этой задачи благодаря своему знанию иврита, тонкому критическому восприятию и просвещенному отношению к мидрашу. Что касается первого требования, то говорят, что в возрасте одиннадцати лет он начал составлять словарь еврейских рифм для поэтов. Он сам добавил несколько гимнов к литургии. В них поэтический диапазон Саадии очень разнообразен. Иногда его стиль так же чист и прост, как большинство классических стихотворений испанской школы. В других случаях его стихи обладают всей запутанностью, резкостью и искусственностью Калира. Возможно, его владение ивритом лучше всего видно по его "Книге изгнанников" (*Сефер ха-Галуй*), составленной на библейском иврите, разделенной на стихи и снабженной ударениями. Как следует из названия, эта книга была написана во время изгнания Саадии из Суры.

Арабская версия Священных Писаний Саадии завоевала такую популярность, что ее публично читали в синагогах. В древности Таргум, или арамейская версия, читалась на публичных богослужениях вместе с оригинальным ивритом. Однако теперь таргум начал заменяться арабским. Версия Саадии вполне заслужила свою честь.

Саадия разворошил осиное гнездо на своей голове своими возобновившимися нападениями на караизм, содержащимися в его комментарии к книге Бытия. Но звонок в Суру повернул мысли Саадии в другом направлении. Он обнаружил, что знаменитый колледж находится в упадке. Экзилархи, номинальные главы всех вавилонских евреев, часто были недостойны своего положения, и незадолго до того, как Саадия вступил в конфликт с Экзилархом. Борьба закончилась изгнанием Гаона из Суры. За годы изгнания он создал свои величайшие произведения. Он составил молитвенник, написал талмудические эссе, составил правила для календаря, изучил массоретические труды различных авторов и, действительно, выпустил огромное количество книг, все они были влиятельными и достойными уважения. Но его самыми запоминающимися произведениями были "Комментарий к Книге Творения" (*Сефер Йецирах*) и его шедевр "Вера и философия" (*Эмунот ве-Деот*).

Этот трактат, законченный в 934 году, был первой систематической попыткой привести богооткровенную религию в гармонию с греческой философией. Таким образом, Саадия был предшественником не только Маймонида, но и христианских школяров. Ни один еврей, сказал Саадия, не должен отбрасывать Библию и формировать свое мнение исключительно на основе собственных рассуждений. Но он мог бы смело пытаться доказать независимо от откровения истины, которые оно дало. Вера, снова сказал Саадия, - это глубокое усвоение сути истины, которая таким образом становится частью самой себя и будет мотивом поведения всякий раз, когда возникнет такая возможность. Таким образом, Саадия отождествил разум с верой. Он высмеял опасения, что философия ведет к скептицизму. С таким же успехом, утверждал он, вы могли бы отождествлять астрономию с суеверием, потому что некоторые заблуждающиеся люди верят, что лунное затмение вызвано тем, что дракон приготовил из него еду.

Последние несколько лет своей жизни Саадия был восстановлен в Гаонате в Суре. Школа обрела новую славу под блестящим руководством автора только что описанного великого труда. После его смерти неизбежный упадок дал о себе знать. При мавританских халифах Испания стала центром арабской науки, искусства и поэзии. В десятом веке Кордова приобрела

известность, подобную той, которой некогда достигли Афины и Александрия. В мавританской Испании было место как для искреннего благочестия, так и для чувственных наслаждений музыкой и искусством; и острое проявление интеллекта в науке или философии не мешало обладанию практической государственной мудростью и умением вести дела. На службе у халифов состояли политики, которые также были врачами, поэтами, философами, деятелями науки. Обладание культурой действительно было верным свидетельством для приема на работу в государство. Именно в Мавританскую Испанию переместился центр иудаизма после смерти Саади. Именно в Испании выросли лучшие плоды еврейской литературы постбиблейского периода. Здесь еврейский гений раскрылся под лучами мавританской культуры. Моисею, сыну Чаноха, посланника из Вавилонии, принадлежит честь основать новую школу в Кордове. В этом его поддержал ученый-государственный деятель Хасдай, первый в длинной чередесредневековых евреев, которые заслужили двойную славу - как слуги своей страны и как служители своей собственной религии. Теперь мы должны обратиться к Хасдаю.

БИБЛИОГРАФИЯ

Саадия.

Грец.—III, 7.

Шиллер-Синесси.—*Энцикл. Брит.*, Т. XXI, с. 120.

М. Фридлендер.—*Жизнь и произведения Саади. JQR*, Том V, стр. 177.

Философия Саади (Оуэн), *J.Q.R.*, том. III, с. 192.

Грамматика и полемика (Розин), *J.Q.R.*, Вып. VI, с. 475; (С. Познански) *там же.*, том. IX, стр. 238.

Э.Х. Линдо.—*История евреев Испании и Португалии* (Лондон, 1848).

ГЛАВА IX

НА ЗАРЕ ИСПАНСКОЙ ЭРЫ

Хасдай Ибн Шапрут. —Менахем и Дунаш, Чаюдж и Джанах.—Самуил Нагид.

Если хотя бы малая часть того, что еврейские поэты воспевали о Хасдае Ибн Шапруте, является буквальным фактом, то он действительно был замечательной фигурой. Его карьера воспламенила еврейское воображение. Харизи в тринадцатом веке писал о Хасдае так:

В былые времена на юге Испании
высоко взошло солнце славы:
это был Хасдай, принц, который раздавал
Богатые подарки всем, кто приходил жаждать.
Наука катила свои могучие волны,
Нагруженные драгоценностями из скрытых пещер,
Пока мудрость не стала подобна острову,
Драгоценному результату потопа.
Здесь жаждущие духи все еще могут найти
Знания, которые удовлетворяют их разум.
Благосклонность их принца ознаменовала новый день
Для тех, кто проспал всю свою жизнь.
Они, так долго жившие порознь,
Признавали связь, общее сердце,
Из христианского мира и мавританских земель,
С Востока, с Запада, из далеких стран.
Его благосклонность охватывала всех без исключения.
Окруженные покровительством его благодати,
Озаренные славой его лица,
Знание держало их сердца в плену.
Он показал источник мудрости и ее родники,
И Божье помазание сделало их больше, чем королями.
Его доброта заставляла немых произносить его имя,
Да, упрямые сердца недолго оставались непреклонными;
И у бардов звездное великолепие его славы
Отразилось в светлом течении их песни.

Этот Хасдай, сын Исаака из рода Шапрута (915-970), был врачом и государственным деятелем. Кроме того, он был в некотором роде поэтом и лингвистом; не очень поэтом, потому что его хвалебные речи мало говорят о его стихах; и не очень лингвистом, потому что он нанимал других (среди них Менахема, сына грамматика Зарука) писать за него письма на иврите. Но он был достаточно образованным человеком, чтобы ценить ученость в других, и как покровитель литературы он поставил себя во главе нового еврейского движения в Испании. Из Вавилонии он был провозглашен главой школы в Кордове. В его роскошном жилище был собрано все лучшее, что было в испанском иудаизме. Он был покровителем двух великих грамматистов того времени - Менахема, сына Зарука, и его соперника и критика Дунаша, сына Лабрата. Эти грамматисты вели свои литературные споры в стихах, посвященных Хасдаю. Остроумные сатиры были написаны друзьями обеих сторон. Искрометными эпиграммами обменивались в розовом саду дома Хасдая и зачитывались на вечерних собраниях поэтов, купцов и придворных. Именно Хасдай привез в Кордову обоих соперников - Менахема из Тортосы и Дунаша из Феса. Менахем был основателем научной грамматики иврита; Дунаш, более живой, но менее ученый, положил начало искусству написания метрических стихов на иврите. Преемники этих грамматистов, Иуда Чаюдж и Абулвалид Мерван Ибн Джанах (XI век), завершили то, что начали Менахем и Дунаш, и поставили еврейскую филологию на прочную научную основу.

Таким образом, с Хасдаем в иудаизме началась новая литературная эра. Его личность, его блестящее положение, его щедрое поощрение поэзии и учености открыли запечатанные уста еврейской музы. Как сказал современник о Хасдае:

Он сорвал тяжкое ярмо с шеи Израиля,
Глубоко в своей душе он нес любовь к своему народу.
Меч, жаждавший их крови, он сломал,
И холодное угнетение растаяло ради него.
Ибо Бог послал Хасдаю сердце Израиля, чтобы оно
Еще раз прониклось доверием, еще раз полюбило своего Бога.

Хасдай не ограничивал свои усилия от имени своих братьев евреями Испании. Честолюбие и сочувствие заставили его распространить свою привязанность на евреев всего мира. Он беседовал с капитанами кораблей, он беседовал с иностранными посланниками о евреях других стран. Он вступил в переписку с хазарами, евреями по усыновлению, а не по расовому признаку. Неудивительно, что влияние Хасдая пережило его. При следующих двух халифах Кордова оставалась центром культурной жизни и литературы. Туда стекались не только хазары, но и потомки вавилонских князей времен Плена и другие известные люди.

Через полвека после смерти Хасдая Самуэль Ибн Нагдела (993-1055) встал во главе еврейской общины Гранады. Самуэль, которого называли Нагид, или принц, начинал жизнь аптекарем в Малаге. Его изящный почерк привлек внимание визиря, и Самуэль был назначен личным секретарем. Вскоре обнаружили его таланты государственного деятеля, и он был назначен первым министром Хабуса, правителя Гранады. Однажды мавр оскорбил его, и король Хабус посоветовал своему фавориту отрезать обидчику язык. Но Самуил отнесся к своему оскорбителю с большой добротой, и однажды король Хабус и Самуил проходили мимо одной и той же Пустоши. "Теперь он благословляет тебя, - сказал изумленный король, - которого раньше проклинал".

"Ах! - ответил Сэмюэль. - Я сделал так, как ты советовал. Я вырезал его злой язык и вместо него вставил добрый".

Самуил был не только визирем, но и раввином. Его знания раввинской литературы были глубокими, и его "Введение в Талмуд" (*Мебо ха-Талмуд*) до сих пор является стандартной работой. Он потратил много труда и денег на коллекционирование работ гаонимов. Разносторонность Самуила была необычайной. Из дворца он отправлялся в школу; после отправки депеши сочинял гимн; он покидал прием иностранных дипломатов, чтобы обсудить сложные вопросы раввинского права или ознакомиться с последними научными открытиями. Как поэта, его музой был город, а не поле. Но хотя он не писал стихотворений о природе, он походил на древнееврейских псалмопевцев в одной поразительной особенности. Он пел новые благодарственные песни по поводу своих собственных триумфов, сетовал на собственные горести, но в этих песнях есть безличная нотка, как и в похожих текстах Псалтири. Его личные триумфы и горести слились с триумфами и горестями его народа. Всего Самуил добавил к литургии в синагоге около тридцати новых гимнов. Но его муза была столь же разносторонней, как и его ум. Сэмюэль также написал несколько зажигательных песен о вине. Удивительный

диапазон его способностей помог ему завершить то, что начал Хасдай. Центр иудаизма стал более прочным, чем когда-либо, в Испании. Когда Самуил Нагид умер в 1055 году, наступил золотой век испанской литературы. Над горизонтом поднимались в великолепном созвездии Соломон Ибн Гебироль, Ибн Эзрас и Иегуда Халеви.

БИБЛИОГРАФИЯ

ХАСДАЙ.

Грец, —III, с. 215 [220].

ДУНАШ И МЕНАХЕМ.

Грец.—III, с. 223 [228].

ДЖАНАХ.

Энцыкл. Брит., т. XIII, с. 737.

ЧАЙЮЙ.

М. Ястроу—младший - *"Слабые и геминативные глаголы в иврите"* Хайюга (Лейден, 1897).

ЕВРЕЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ.

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 131.

ХАЗАРЫ.

Письмо Хаздая к хазарам (англ. перев. Зеднер, *Сборник Общества еврейской литературы*, том I).

Грец.—III, с. 138 [140].

САМУЭЛЬ ИБН НАГДЕЛА.

Грец, —III, стр. 254 [260].

ГЛАВА X

ИСПАНО-ЕВРЕЙСКИЕ ПОЭТЫ (I)

Соломон Ибн Гебируль.— "Царская корона".—Моисей Ибн Эзра.—Авраам Ибн Эзра. Библейские комментарии Ибн Эзры и кимчи.

"Во времена Хасдая, - говорит Харици, - еврейские поэты начали петь". Мы видели, что новоеврейская поэзия была старше Хасдая, но утверждение Харици верно. Еврейские поэты Испании мелодичны, а Калир всего лишь изобретателен. Опять же, именно в Испании иврит впервые был использован для светской поэзии, для песен о любви и баллад, для восхваления природы, для выражения всех человеческих чувств. По большей части поэты находили свои образцы в Библии. Когда Иегуда Халеви пел на иврите о любви, он вторил "Песне песней". Когда Моисей Ибн Эзра писал покаянные гимны или божественные размышления Ибн Гебируля, Псалмы всегда были для них источником вдохновения. Поэты часто посвящали все свои амбиции поиску подходящих цитат из священного текста. Но в одном отношении им не удалось подражать Библии, и эта неудача серьезно ограничила их гений. Красота поэзии Библии отчасти зависит от ее формы. Эта форма называется *параллельностью линий*. Прекрасный музыкальный эффект, производимый повторением как эхо уже высказанной идеи, утрачен в поэзии испанских евреев.

Таким образом, испано-еврейская поэзия страдает, с одной стороны, потому, что она является имитацией Библии и, следовательно, лишена оригинальности, а с другой стороны, она страдает, потому что недостаточно имитирует библейский стиль. Несмотря на эти ограничения, это настоящая поэзия. В Псалмах сквозит глубокое сочувствие к более диким и ужасным явлениям природы. В поэзии испанских евреев природа любима в ее более мягком настроении. Один из этих поэтов, Нахум, прекрасно описал свой сад; другой, Ибн Гебируль, воспел осень; Иегуда Халеви - весну. Опять же, в их песнях о любви чувствуется свежесть. В них есть причудливое сочетание благочестия и любви; они не говорят, что красота - это суета, но они делают красоту признаком богобоязненного характера. Небиблейская легкость чувств сквозит и в их песнях о жизни в городе, в их эпиграммах, в их светских стихах. И в тех их стихах, которые больше всего напоминают Библию, - страстных одах Сиону Иегуды Халеви, возвышенных

размышлениях Ибн Гебиरोля, покаянных молитвах Моисея Ибн Эзры, хотя отголоски Библии достаточно отчетливы, все же среди отголосков время от времени звучит свежий, чистый голос средневекового поэта.

Соломон Ибн Гебироль родился в Малаге в 1021 году и умер в 1070 году. Его ранняя жизнь была несчастливой, а его поэзия окрашена меланхолией. Но его несчастье только укрепило его надежду на Бога. Как он пишет в своем величайшем стихотворении, он летал от Бога к Богу:

От тебя к тебе я лечу, чтобы завоевать
убежище, и в
Твоей тени спрячусь от твоего гнева,
Пока твой гнев не будет обращен в сторону.
Я буду цепляться за твою милость,
Пока ты не услышишь сострадания;
И я не оставлю тебя,
Пока твое благословение не снизойдет на меня.

Эти строки встречаются в "Царской короне" Гебироля (*Кетер Малхут*), великолепном цикле стихотворений о Боге и мире. В ней поэт изливает свое сердце даже более откровенно, чем в своем философском трактате "Источник жизни", или в своем этическом труде "Облагораживание характера", или в своем сборнике мудрости прошлого "Выбор жемчужин" (если, конечно, эта последняя книга действительно принадлежит ему). "Царская корона" - это диадема восхвалений величия Бога, восхвалений, произнесение которых делает человека, при всей его незначительности, великим.

Чудны дела твои, о Господь саваоф,
И их величие держит мою душу в плену.
Твоя слава, сила божественная,
Твое величие, царство твое,
Ты всевышний, превознесенный над всеми.

* * * * *

Ты Един, первая великая причина всего;
Ты Един, и никто не может проникнуть,
даже мудрые сердцем, в тайну
твоего непостижимого Единства;
Ты Един, бесконечно великий.

Но человек может осознать, что сила Божья делает его великим для прощения. Если он не увидит этого сейчас, то увидит позже.

Ты - свет: чистые души узрят тебя,
За исключением случаев, когда вмешивается туман зла.
Ты - свет, который в этом мире сокрыт,
В мире грядущем откроется;
На горе Божьей это будет видно.

И вот поэт в одном из заключительных гимнов "Царского венца", преисполненный чувства собственного недостойнства, с надеждой вверяет себя Богу:

Боже мой, я знаю, что те, кто умоляет
тебя о благодати и милосердии, нуждаются во
Всех своих добрых делах, пусть идут впереди,
И ждут их у высоких дверей небес.
Но у меня нет добрых дел, которые я мог бы совершить,
Нет праведности, которую я мог бы предложить.
Нет служения моему Господину и Царю.

Но не скрывай от меня своего лица,
И не прогоняй меня далеко от себя;
Но когда ты прикажешь моей жизни прекратиться,
ты выведешь меня с миром
В грядущий мир, чтобы я жил
Среди твоих благочестивых, которые говорят, что
Твоя слава неисчерпаема.

Там пусть моя доля будет с теми,
Кто восстал к вечной жизни;
Там правильно очисти мое сердце,
Чтобы В свете твоём узреть свет.
Вознеси меня из глубочайших глубин, чтобы я разделил с тобой
бесконечную радость хвалы и молитвы Небес,
Чтобы я мог вечно заявлять:
Хотя ты и был разгневан, Господь, я буду благодарить тебя,
Ибо теперь прошел твой гнев, и ты утешаешь меня.

Ибн Гебироль стоял немного в стороне и значительно выше круга еврейских поэтов, которые сделали эту эпоху такой блестящей. Многие из них сейчас забыты; они были популярны в Толедо, Кордове, Севилье и Гранаде, но их стихи не сохранились.

В тот самый год, когда умер Ибн Гебироль, родился Моисей Ибн Эзра. О его жизни мало что известно наверняка, но известно, что в 1138 году он был еще жив. Его называют "поэтом покаяния", и мрачный поворот придала его мыслям несчастная любовная привязанность в юности. Несколько строф одного из его стихотворений звучат так:

Бессонный, я считаю часы в своей постели,
И, встав, ищу дом Божий, в то время как сон
Ложится тяжестью на глаза людей, а сны отягощают
Их души ночными видениями.

В грехе и безумии прошли мои ранние годы,
За что мне стыдно, и долги жизни
Теперь стараюсь выплатить, в то время как мои слезы
Были моей пищей днем и ночью.

* * * * *

Коротка жизнь человека, полна забот и печали,
Так или иначе, он берет займы какую—нибудь легкость,
Подобно цветку, он распускается, а наутро
Уходит - ночное видение.

Как тяжесть греха угнетает мою душу,
Потому что закон Божий я слишком часто преступаю;
Я скорблю и вздыхаю, горькими слезами
Я поливаю Свою постель всю ночь.

* * * * *

Моя молодость убывает, как отброшенная тень,
Быстрее орлиных крыльев, мои годы летят быстро,
И я не помню былой радости,
Ни днем, ни ночью.

Провозглашаем мы тогда пост, святой день,
Очищаем наши сердца от греха, повинuemся воле Божьей,
И молимся Ему со смиренным духом
Непрестанно, днем и ночью.

Пусть мы еще услышим его слова: "Ты принадлежишь мне,
Моя благодать принадлежит тебе, прибежище моего престола,
Ибо Я твой Искупитель, я один;
Только терпеливо перенеси эту ночь!"

Но его гимны, многие из которых заняли постоянное место в молитвеннике, не всегда печальны. Часто они согреты надеждой, и в них есть что-то почти веселое. Его главное светское стихотворение "Топаз" (*Фарсиш*) состоит из десяти частей и содержит 1210 строк. Она написана по арабскому образцу: в ней нет рифм, но она метрическая, и одно и то же слово, но с совершенно разными значениями, встречается в конце нескольких строк. Нужно обладать большим воображением, чтобы оценить Моисея Ибн Эзру, и, возможно, именно это имел в виду Чаризи, когда называл его "поэтом поэта".

Другой Ибн Эзра, Авраам, один из величайших евреев средневековья, родился в Толедо до 1100 года. У него была тяжелая жизнь, но он смеялся над своей судьбой. Он сказал о себе:

Если бы я продавал саваны,
никто бы не умер.
Если бы я продавал лампы,
Тогда в небе,
назло,
солнце светило бы ночью.

Несколько гимнов Авраама Ибн Эзры проникнуты духом смирения. Вот один из них:

Я надеюсь на спасение Господа,
На него я уповаю, когда страхи трепещут во мне,
Придет жизнь, придет смерть, согласно его слову,
Он по-прежнему мой удел.

Отсюда, сомневающееся сердце! Я буду превозносить Господа
С радостью, ибо в нем мое желание,
Которое, как и тучность, удовлетворяет мою душу,
Стремящуюся к небесам.

Все, что скрыто, узрят мои глаза,
И великий Владыка всего будет известен мне,
Ему я буду служить, я принадлежу ему, как и прежде;
Я не прошу быть свободным.

Сладка любая печаль, приходящая во имя Его,
И я не буду искать ее цели, чтобы исследовать,
Я буду постоянно провозглашать Его хвалу,
И благословлять его во веки веков.

Ибн Эзра побывал во многих странах и даже посетил Лондон, где останавливался в 1158 году. Ибн Эзра был знаменит не только своей поэзией, но и блестящим остроумием и разносторонней образованностью. Как математик, как поэт, как толкователь Священных Писаний, он занял высокое место в еврейских летописях. В своих комментариях он отверг

современные отвлекающие и аллегорические методы и выбрал средний путь между свободным исследованием, с одной стороны, и слепым следованием традиции - с другой. Ибн Эзра был первым, кто утверждал, что Книга Пророка Исаяи содержит работу двух пророков — точка зрения, которая сейчас почти универсальна. Однако он ни на минуту не сомневался в том, что Библия во всех ее частях богодухновенна и является словом Божиим. Но он также был отцом "Высшей критики". Пионерскую работу Ибн Эзры по распространению научных методов обучения во Франции разделил Джозеф Кимчи, который поселился в Нарбонне в середине двенадцатого века. Его сыновья, Моисей и Давид, впоследствии прославились как грамматик и толкователи Священных Писаний. Дэвид Кимчи (1160-1235) своей ясностью и тщательностью установил для своей грамматики "Совершенство" (*Michlol*) и своего словаря "Книга корней" полное превосходство в области толкования. Он был любимым авторитетом среди христианских исследователей иврита во времена Реформации, и английская авторизованная версия 1611 года была многим обязана ему.

Однако на этом этапе мы должны вернуться назад и бросить взгляд на еврейскую литературу во Франции периода, более раннего, чем эпоха Ибн Эзры.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ С ИСПАНСКОГО НА ИВРИТ:

Эмма Лазарус.—*Стихи* (Бостон, 1889).

Миссис Х. Лукас.—*Еврейский год* (Нью-Йорк, 1898) и в изданиях молитвенников. См. также (Абрахамс) *J.Q.R.*, XI, стр. 64.

ИБН ГЕБИРОЛЬ.

Грец.—III, 9.

Д. Розин.—*Этика Соломона Ибн Гебиroleя*, 7. *J.Q.R.*, III, стр. 159.

МОИСЕЙ ИБН ЭЗРА.

Грец.—III, с. 319 [326].

АВРААМ ИБН ЭЗРА.

Грец.—III, с. 366 [375].

Комментарий Авраама Ибн Эзры к книге Исаяи (труд М. Фридлендера, 1873).

М. Фридлендер.—*Очерки об Ибн Эзре* (Лондон, 1877). См. также *Труды Еврейского исторического общества Англии*, Vol. II, стр. 47, и Дж. Джейкобс, *Евреи Анжуйской Англии*, стр. 29 далее.

СЕМЕЙСТВО КИМЧИ.

Грец.—III, с. 392 [404].

ИСПАНО-ЕВРЕЙСКАЯ ЭКЗЕГЕЗА И ПОЭЗИЯ.

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 141, 146-179.

ГЛАВА XI

РАШИ И АЛЬФАССИ

Натан Римский.—Альфасси.—Раши.—Рашбам.

До того, как еврейские поэты, ученые, философы и государственные деятели прославили Испанию в еврейских анналах, Раши и его школа создавали репутацию, которой суждено было ассоциировать еврейское образование с Францией. Во Франции не было и следа той широты культуры, которая отличала Испанию. Раши не блистал ничем, кроме как выразителем традиционного иудаизма. Он не обладал изяществом стиля, не создал никакой новой литературы. Но он представлял иудаизм в его самом простом, самом теплом, самом интенсивном проявлении. Раши был великим писателем, потому что его тема была великой, а не потому, что он много писал.

Но утверждать, что Раши не обладал изяществом стиля, было бы лишь полуправдой. Ибо, если изящество - это качество создания эффектов с наименьшим проявлением усилий, то не было писателя более изящного, чем Раши. Его знаменитый комментарий к Талмуду обязательно длинный и запутанный, но в нем никогда не бывает лишнего слова. Ни один комментатор ни

одного классического произведения не превзошел Раши в умении сказать "достаточно" и только "достаточно". Этой способностью он был обязан, в первую очередь, своей интеллектуальной хватке. Он отредактировал Талмуд, а также объяснил его. Он восстановил оригинальный текст с вернейшим критическим чутьем. И его совесть была в его работе. Он был настолько предельно честен, что вместо того, чтобы замалчивать трудности, он откровенно сказал: "Я не могу понять... Я не знаю" в тех редких случаях, когда он был в растерянности. Более того, Раши обладал той удивительной симпатией к автору и читателю, которая одна дает право третьему разуму интерпретировать автора читателю. Исследуя глубину Талмуда, Раши исследовал глубину образованного ученика и осознал потребности новичка. Таким образом, новичок находит Раши полезным, и специалист обращается к нему за помощью. Его непосредственные ученики редко цитируют его по имени; для них он "*the* Комментатор".

Раши был не первым, кто подверг Талмуд критическому анализу. Гаונים приступили к выполнению этой задачи, и Натан, сын Иехиэля из Рима, примерно в 1000 году составил словарь (Арух), который до сих пор является стандартным справочным пособием. Но ближайший предшественник Раши, Альфасси, не был толкователем Талмуда; он с большим мастерством извлекал практические результаты из логических лабиринтов, в которые они были погружены. Исаак, сын Якоба Альфасси, получил свое имя от Феса, где он родился в 1013 году. Он полностью посвятил свой интеллект Талмуду, но из мавританской культуры своего времени он перенял чувство порядка и системы. Он имел дело исключительно с *Галахой*, или практическим содержанием раввинского закона, и руководство, которое он составил к Талмуду, вскоре вытеснило все предыдущие работы подобного рода. Соломон, сын Исаака, более известный как *Р. абби Шэломо ИзЧаки* (Раши), родился в 1040 году и умер в 1105 году в Труа, в Шампани. От своей матери, происходившей из семьи поэтов, он унаследовал теплую человечность, любовь к иудаизму. От отца он унаследовал талмудические знания, острый интеллект. Его юность была тяжелой. В соответствии со средневековым обычаем, он женился еще мальчиком, а затем покинул свой дом в поисках знаний, а не хлеба насущного. Хлеба у него было мало, но, несмотря на голод и стесненные обстоятельства, он стал прилежным учеником еврейских школ, которые тогда были разбросаны вдоль Рейна, проживая то в Майнце, то в Шпайере, то в Вормсе. В 1064 году он окончательно обосновался в Труа. Здесь его сразу же приветствовали как новое светило в Израиле. Его безупречный характер и уникальная репутация преподавателя привлекли огромное количество увлеченных учеников.

О комментарии Раши к Талмуду кое-что уже было сказано. Что касается его толкования Библии, то оно вскоре приобрело широчайшую популярность. Это было хуже его работы над Талмудом, поскольку, как он сам признавался позже, он слишком много полагался на мидраш и слишком мало уделял внимания развитию буквального значения текста Священного Писания. Но в этом прелесть его книги, и нам повезло, что он на самом деле не пытался переделать свой комментарий. В нем есть причудливость и очарование, которых не хватает педантичной трезвости Ибн Эзры и грамматической точности Кимчи. Но он поступил не совсем справедливо, когда заявил, что недостаточно внимал *Пешату* (буквальному значению). Раши часто цитирует грамматические работы Менахема и Дунаша. Он часто переводит иврит на французский, демонстрируя очень точное знание обоих языков. Кроме того, когда он цитирует мидраш, он как

бы конструирует из него Пешат, и этот оригинальный для него самого метод не нашел способных подражателей.

Благодаря славе Раши Франция захватила лидерство в талмудических вопросах. Благословенный потомством знаменитых людей, влияние Раши продолжалось и усиливалось благодаря работе его зятьев и внуков. Из них самым известным был Самуэль бен Меир (Рашбам, 1100-1160). Пристальное внимание к литературе иудаизма в Рейнландии проявилось в самый последний момент. Это была твердая скала против надвигающейся бури. Крестовые походы лишили евреев Франции всякой надежды на временное счастье. Когда Альфасси умер в 1103 году, а Раши - в 1105 году, первый крестовый поход едва успел израсходовать свои силы. Еврейские школы во Франции были разрушены, учителя и ученые убиты или сосланы. Но дух продолжал жить. Их литература была жизнью для евреев, у которых не было другой жизни. Склонившись над просветляющими изложениями Талмуда и Библии Раши, средневековый еврей почувствовал, что его душа вознеслась над страданиями настоящего в мир мира и праведности, где нечестивые перестали беспокоиться, а усталые обрели покой.

БИБЛИОГРАФИЯ

АЛЬФАССИ И РАШИ.

Грец.—III, стр. 285 [292] *далее*.

АЛЬФАССИ.

И.Х. Вайс.—*J.Q.R.*, I, стр. 290.

РАШИ.

Шиллер-Синесси.—*Энцикл. Брит.*, Т. XX, стр. 284.

ГЛАВА XII

ИСПАНО-ЕВРЕЙСКИЕ ПОЭТЫ (II)

Jehuda Halevi.—Charizi.

Обращаясь еще раз к более яркому состоянию еврейской литературы в Испании, мы сталкиваемся с человеком, на котором исчерпан весь словарный запас похвал и привязанности; человеком магнетической привлекательности, которым современники и преемники согласились восхищаться и любить. Иегуда Галеви родился в Толедо около 1085 года, в тот год, когда Альфонсо VI отбил город у мавров. Это было подходящее место рождения величайшего еврейского поэта с библейских времен. Восток и Запад встретились в Толедо. Наука о Востоке нашла там западных христиан, которые культивировали ее. Еврей, мавр и христианин проявили там взаимную терпимость, которой больше нигде не было. В этой благоприятной обстановке Иегуда Халеви рано достиг зрелости. Мальчиком он снискал не только местную славу стихотворца. На всех торжественных мероприятиях его стихи были востребованы. Он писал свадебные оды, элегии о великих людях, панегирики живым. Его любовные стихи, серенады, эпиграммы того периода - все это демонстрирует вкус, элегантность и страсть.

Второй период литературной карьеры Иегуды Халеви был посвящен серьезным занятиям, размышлениям о жизни и практической работе. Он написал свой широко известный философский диалог "*Кузари*" и зарабатывал себе на жизнь как врач. Однако он не был страстным приверженцем медицины. "Толедо большой город, - писал он другу, - и мои пациенты - суровые хозяева. Я, их раб, провожу свои дни, служа их воле, и трачу свои годы на исцеление их немощей". Прежде чем выписать рецепт, он, как и сэр Томас Браун, обычно произносил молитву, в которой признавался, что не очень верит в целебную силу своего искусства. Иегуда Халеви действительно был совершенно недоволен своей жизнью. "Мое сердце на Востоке, но я тону на Западе", - сокрушался он. Он был несчастен, потому что его возлюбленная была далеко от него; его возлюбленная была недостижима для его серьезного взгляда. По часто цитируемым словам Гейне,

Та, по которой томился раввин,
Была несчастной душкой,
воплощением Запустения,
И имя ей -Иерусалим.

Страстное желание увидеть хотя бы один вид Иерусалима овладело им и доминировало над третьей частью его жизни. Наконец ничто не могло удержать его; он пошел бы, даже если бы умер в усилии. И он пошел, и умер, сделав усилие. Весть о его решимости распространилась по Испании, и повсюду протягивались руки, чтобы остановить его. Но на сердце у него стало легче, когда настал день отъезда. Его стихи, написанные в это время, полны надежды и радостных чувств. В Египте евреи предприняли решительную попытку удержать его среди себя. Но это было тщетно. Вперед, в Иерусалим: это была его единственная мысль. Он пробыл в Египте совсем недолго, затем отправился в Тир и Дамаск. В Дамаске, в 1140 году или около того, он написал оду Сиону, которая сделала его имя бессмертным, оду, в которой он дал выход всей сильной страсти, наполнявшей его душу. Ниже приведены некоторые строфы, взятые из этого обращения к Иерусалиму:

Слава Господня всегда была
Твоим единственным и совершенным светом;
Тебе не нужно солнце, чтобы светить днем,

ни луна, ни звезды, чтобы освещать тебя ночью.
Я хотел бы, чтобы там, где раньше дух Божий
Изливался на твоих святых, я тоже мог
излить свою душу!
Домом царей и престолом Божьим был ты,
Как же тогда получается, что теперь
Рабы занимают трон, на котором прежде восседали твои цари?

О! кто поведет меня дальше
На поиски мест, где в далекие годы
ангелы во всей своей славе озаряли
Твоих посланников и провидцев?

О! кто даст мне крылья,
Чтобы я мог улететь,
И там, в покое от всех моих скитаний,
среди твоих руин лежат руины моего сердца?

* * * * *

Господь желает видеть тебя местом своего обитания
Вечно, и благословен
тот, кого Бог избрал, чтобы благодать
покоилась В твоих чертогах.
Счастлив тот, кто наблюдает, приближаясь,
До тех пор, пока не увидит, как восходит твое великолепное сияние,
И над кем твой рассвет, полный и ясный,
Восходит в небесах востока.
Но счастливее всего тот, кто ликующими глазами
Узрит блаженство твоих искупленных,
И увидит твою обновленную юность, как в былые дни.

Вскоре после написания этих строк Иегуда прибыл в Священный город. Наконец-то он был рядом с ней, со своей возлюбленной. Затем, как гласит легенда, через ворота выскочил арабский всадник: он поднял свое копье и сразил поэта, который пал на пороге своего дорогого Иерусалима с песнью о Сионе на устах.

Новоеврейская поэзия не пережила его. Преследования заморозили течение еврейской души. Поэты, действительно, возникли после Иегуды Халеви в Германии, как и в Испании. Иногда, как в гимнах "немца" Меира из Ротенбурга, достигается высокий уровень страстного благочестия. Но хорошо было сказано, что "гимны испанских авторов связывают душу человека с его Создателем: гимны немцев связывают Израиль с его Богом". Только в Испании еврейская поэзия была универсальной в том смысле, в каком универсальны Псалмы. Даже в самой

Испании смерть Иегуды Халеви ознаменовала конец этого высшего вдохновения. Более поздние испанские поэты, Харизи и Забара (середина и конец XII века), были скорее сатириками, чем поэтами, остроумными, искрометными, готовыми к причудливым колкостям, но местными и подражательными по манере и тематике. Забара должен получить дополнительное уведомление в более поздней главе из-за его связи со средневековыми фольклорными преданиями. О главном произведении Чаризи, *Тачкемони*, можно сказать, что оно превосходно в своем роде. Истории, которые он рассказывает в неметричной рифме, выдержаны в пикантном стиле, а его критика людей и вещей умна и поразительна. Чаризи также занимает высокое положение как литературный критик, и есть большое мастерство в том, как он связывает воедино вокруг личности своего героя различные повествования, составляющие *Тачкемони*. События, о которых он рассказывает, полны юмора и сюрпризов. Как оратор, Чаризи был особенно счастлив, поскольку виртуозно владел ивритом. Но его наиболее заметная претензия на высокое положение заключается в том, что он породил то сочетание мрачной иронии с ярким остроумием, которое стало характерным для всех еврейских юмористов и достигло своего апогея в Гейне. Но сам Чаризи считал, что его искусство еврейского поэта было декадентским. С тех пор появились великие поэты еврейской расы, но песни, которые они пели, не были песнями Сиона, и язык их музыки не был языком еврейской Библии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Иегуда Халеви.

Грец.—III, II.

Дж. Джейкобс. *Иегуда Халеви, поэт и паломник (Еврейские идеалы)*, Нью—Йорк, 1896, стр. 103).

Леди Магнус.—*Еврейские портреты* (Бостон, 1889), стр. 1.

ПЕРЕВОДЫ ЕГО СТИХОВ Эммы Лазарус и миссис Лукас (указ. соч.): Издания молитвенника; также *J.Q.R.*, X, стр. 117, 626; VII, стр. 464;

Казначей Оксфорда (Лондон, 1850); И. Абрахамс, *Еврейская жизнь в средние века*, главы 7, 9 и 10.

Его философия: *Образец Кьюсари*, переведенный А. Нойбауэром (*Сборник Общества еврейской литературы*, том I).

Джон Оуэн.—*J.Q.R.*, III, стр. 199.

ЧАРИЗИ.

Грец.—III, стр. 559 [577]

Карпелес.—*Еврейская литература и другие очерки*, стр. 210 далее.

М. Сакс.—*Иврит Ревью*, том I.

ГЛАВА XIII

МОИСЕЙ МАЙМОНИД

Маймон, Рамбам = Р. Моисей, сын Маймона, Маймонида.— Его Яд Хачазака и Морех Небухим.— Герсонид.—Крескас.—Albo.

Величайший еврей средневековья Моисей, сын Маймона, родился в Кордове в 1135 году и умер в Фостате в 1204 году. Его отец Маймон сам был выдающимся ученым и просвещенным мыслителем, а сын получил образование во многих искусствах и науках, которые тогда были включены в программу гуманитарного образования. Когда Моисею было тринадцать лет, Кордова попала в руки альмохадов, секты мусульман, чья вера была столь же чиста, сколь фанатичным было их поведение. Евреи и христиане были вынуждены выбирать обращение в ислам, изгнание или смерть. Маймон бежал со своей семьей, и после периода беспокойных скитаний и мучительных лишений они поселились в Фесе, где нашли альмохадов столь же могущественными и столь же мстительными. Маймон и его сын были вынуждены принять внешнее облачение мусульманина сроком на пять лет. Из Феса семья эмигрировала в 1165 году в Палестину, и после долгого периода беспокойства Моисей Маймонид поселился в Египте, в Фостате, или Старом Каире.

В Египте другой сын Маймона, Давид, торговал драгоценными камнями и поддерживал своего ученого брата. Когда Дэвид пропал в море, Маймонид зарабатывал на жизнь как врач. Весь его день был занят своей профессией, но он ухитрялся работать над своими книгами большую часть ночи. Одни только его второстепенные произведения принесли бы их автору известность. Его первое великое произведение было завершено в 1168 году. Это был комментарий к Мишне, написанный по-арабски. Но репутация Маймонида зиждется главным образом на двух книгах: одна написана для многих, другая - для немногих. Первый - его "Сильная рука" (*Яд Хачазака*), второй - его "Наставник сбитых с толку" (*Морех Небухим*).

"Сильная рука" была гигантским предприятием. В своих четырнадцати книгах Маймонид представил четко организованное и сформулированное краткое изложение раввинской галахи,

или Закона. В каком-то смысле это энциклопедия, но это энциклопедия, написанная со стилем. По своей способности справляться с обширными материалами у этого кодекса мало конкурентов и нет превосходства в другой литературе. Маймонид завершил его составление в 1180 году, потратив на это десять лет. Все это время он был не только популярным врачом, но и официальным раввином Каира. Он не получал жалованья от общины, поскольку, по его словам, "Лучше один пенни, заработанный трудом своих рук, чем все доходы принца Плена, если они получены из платы за преподавание или исполнение обязанностей раввина". "Сильная рука", называемая также "Второзаконием" (*Мишне Тора*), навсегда закрепила репутацию Маймонида. Маймонид действительно подвергся нападкам, во-первых, потому, что он утверждал, что его работа была направлена на то, чтобы сделать изучение Талмуда менее необходимым, и, во-вторых, потому, что он не приводил никаких подтверждений своим утверждениям, а сам решал, какие талмудические мнения принять, какие отвергнуть. Но самое тщательное изучение выявило мало реальных изъянов и еще меньше реальных ошибок. "От Моисея к Моисею не восставал никто, подобный Моисею", - это высказывание выражало всеобщее почтение к Маймониду. Копии этой книги распространялись повсюду; еврейский ум был поглощен ею; его слава и имя "гремели от Испании до Индии, от истоков Тигра до Южной Аравии". Хвалебные речи сыпались на него со всех концов земли. И никакая похвала не может сказать больше об этом удивительном человеке, чем тот факт, что благовоения, возжигаемые в его святилище, не опьяняли его. Его прикосновения стали тверже, а шаги - решительнее. Но он продолжал свой путь, как и прежде, живя просто и непрестанно трудясь, не обращая внимания на громы аплодисментов, не обращая внимания на более слабые отголоски клеветы. Он переписывался со своими далекими и близкими братьями, отвечал на вопросы в качестве раввина, объяснял отрывки из своего комментария к Мишне или другим своим произведениям, искренне участвовал в спорах того времени, обсуждал притязания нового претендента на звание Мессии, подбадривал более слабых братьев, которые попали в немилость из-за того, что были вынуждены стать мнимыми новообращенными в ислам, проявлял здравый смысл и сильную интеллектуальную хватку в каждой написанной им строке и сочетал в своем решении всех вопросов редко встречающиеся качества, терпимость и преданность истине. И все же он чувствовал, что дело его жизни все еще не завершено. Он любил истину, но истина для него имела два аспекта: была истина, открытая Богом, была истина, которую Бог предоставил человеку открывать самому. В сознании Маймонида Моисей и Аристотель занимали пьедесталы бок о бок. В "Сильной руке" он кодифицировал и упорядочил иудаизм, как показано в Библии и традиции; теперь он изучит его отношение к разуму, сравнит его результаты с данными философии. Это он сделал в своем "Руководстве для сбившихся с толку" (*Море Навухим*). Маймонид здесь коренным образом отличался от своих непосредственных предшественников. Иегуда Халеви в своем "*Кузари*" был больше поэтом, чем философом. *Кузари* был диалогом, основанным на трех принципах: Бог раскрывается в истории, Иерусалим является центром мира и Израиль для народов - как сердце для конечностей. Иегуда Халеви подкреплял эти идеи аргументами, выведенными из философии своего времени, он использовал разум как служанку теологии. Маймонид, однако, как и Саадия, признавал высшую функцию разума. Он поставил разум на тот же уровень, что и откровение, а затем продемонстрировал, что его вера и его разум учат идентичным истинам. Его работа "Руководство для сбившихся с толку", написанная на арабском языке примерно в 1190 году, основана, с одной стороны, на системе Аристотеля, изложенной арабскими мыслителями, и, с другой стороны, на твердой вере в Священное Писание и традицию. Виртуозной рукой Маймонид обобщил учение Аристотеля и доктрины Моисея и раввинов. Между этими двумя независимыми сводами истин он нашел не

противоречие, а согласие, и он примирил их таким образом, который удовлетворил столь многие умы, что "Руководство" было переведено на иврит дважды при его жизни и изучалось мусульманами и христианами, такими как Фома Аквинский. У обычных читателей наибольшей популярностью пользовалась третья часть. В этой части Маймонид предложил рациональные объяснения церемониальных и законодательных деталей Библии.

Долгое время после смерти Маймонида, которая произошла в 1204 году, еврейская мысль находила в "Руководстве" сильное притяжение или яростное отталкивание. Комментарии к *Мореху*, или "Руководству", быстро множились. Среди наиболее оригинальных философских преемников Маймонида было мало евреев, но они находились под его большим влиянием. Даже знаменитый автор "Войн Господних" Ралбаг Леви, сын Гершона (Герсонида), родившийся в 1288 году и умерший в 1344 году, более или менее придерживался той же точки зрения, что и Маймонид. С другой стороны, Хасдай Крескас в своем "Свете Божьем", написанном между 1405 и 1410 годами, предпринял решительную атаку на Аристотеля и нанес серьезный удар Маймониду. Работа Крескаса оказала влияние на мысль Спинозы, который также был близким учеником Маймонида. Ученик Крескаса, Джозеф Альбо (1380-1444) также был критиком Маймонида. Трактат Альбо "Книга принципов" (*Иккарим*) стал популярным учебником. Было невозможно, чтобы примирение Аристотеля и Моисея продолжало удовлетворять еврейских читателей, когда Аристотель был свергнут со своего поста диктатора европейской мысли. Но "Руководство" Маймонида было большим достижением скорее по своему духу, чем по содержанию. Хотя она неизбежно устарела как теологическая система, она постоянно действовала как противовес от мистицизма, который в XIII веке начал овладевать иудаизмом и который, если бы не Маймонид, мог бы полностью подорвать верования синагоги. Маймонид оставался образцом разумной веры еще долго после того, как его особая форма рассуждений стала неприемлемой для верующих.

БИБЛИОГРАФИЯ

Маймонид.

Грец.—III, 14.

Карпелес.—*Еврейская литература и другие очерки*, стр. 145.

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 70, 82 след., 94 след.

Шиллер-Синесси.—*Энцykl. Брит.*, Т. XV, стр. 295.

ЕГО РАБОТЫ:

Восемь глав.—Б. Шпили в *тройном шнуре* (1893). Английский перевод в *Hebrew Review*, Тома. I и II.

Сильная рука, избранные произведения, переведенные Соловейчиком (Лондон, 1863).

Письмо Иегуде Ибн Тиббону, переведенное Х. Адлером (*Сборник Общества еврейской литературы*, том I).

Путеводитель для озадаченных, перевод М. Фридлендера (1885).

КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ О МАЙМОНИДЕ:

И.Х. Вайс.—*Изучение Талмуда в Тринадцатом веке*, *JQR*, I, стр. 290.

Дж. Оуэн.—*J.Q.R.*, III, стр. 203.

С. Шехтер.—*Исследования по иудаизму*, стр. 161 [197] и др.

О МАЙМОНЕ (отце Маймонида) см. Л.М. Симмонс, *Письмо-утешение Маймона бен Джозефа*, *JQR*, II, стр. 62.

КРЕСКАС.

Грец.—IV, стр. 146 [157], 191 [206].

АЛВО.

Грец.—IV, 7.

Английский перевод *Ikkarim*, *Hebrew Review*, Тома. I, II, III.

ГЛАВА XIV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАУКИ

Провансальские переводчики.—Ибн Тиббонс.—Итальянские переводчики.—Джейкоб Анатоли.—Калонимос.—Научная литература.

Переводчики действуют как посредники между различными народами и эпохами. Они доносят книги и идеи одной формы цивилизации до умов и сердец другой. В средние века переводы имели большее значение, чем сейчас, поскольку меньше образованных людей могли читать на иностранных языках.

Ни один литератор не был так активен в этой работе распространения, как евреи. Доктор Штайншнайдер заполняет 1100 больших страниц описанием переводов, сделанных евреями в средние века. Евреи сотрудничали с мусульманами в создании переводов с греческого, поскольку позже они были связаны с христианами в создании латинских переводов шедевров греческой литературы. Однако большинство еврейских переводов, оказавших влияние на Европу, были сделаны с арабского на иврит. Но хотя языком этих переводов был в основном иврит, они были полезны и другим людям, помимо евреев. Ибо версии на иврите часто были лишь этапом в более длительном путешествии. Иногда непосредственно евреями, иногда христианскими учеными, действовавшими в сотрудничестве с евреями, эти версии на иврите были переведены на латынь, которую понимало большинство ученых, а с латыни были сделаны дальнейшие переводы на повседневные языки Европы.

Переведенные таким образом произведения были в основном научными и философскими шедеврами греков и арабов. Поэзия и история реже становились предметом переводов, но, как будет видно позже, распространением греческих басен и народных сказок Индии были в чем-то обязаны переводчикам и редакторам с иврита.

Прованс был местом встречи арабской науки и еврейского образования в Средние века, и именно там еврейский переводческий импульс впервые проявился с особой силой. К началу тринадцатого века перевод на иврит превратился в искусство. Правда, эти версии на иврите не отличаются изяществом стиля, но они считаются одними из лучших в своем классе за верность оригиналу. Еврейские меценаты поощряли переводчиков материальной и моральной поддержкой. Таким образом, Мешуллам из Люнеля (XII век) был образованным и богатым человеком, и его горячее поощрение Иуды Ибн Тиббона, "отца еврейских переводчиков", дало мощный импульс переводческой деятельности евреев.

Иуда Ибн Тиббон (около 1120-1190) был испанцем по происхождению, но он эмигрировал из Гранады в Прованс во время тех же преследований, которые вынудили Маймонида покинуть его родную землю. Иуда поселился в Люнеле, и его врачебное мастерство принесло ему такую известность, что за его медицинскими услугами обращались рыцари и епископы даже из-за моря. Иуда Ибн Тиббон изучал естественные науки и философию. Он рано проявил себя как переводчик, уделяя пристальное внимание филологическим тонкостям. Под вдохновением Мешуллама он провел с 1161 по 1186 год, делая серию переводов с арабского на иврит. Его переводы были сложными и натянутыми по стилю, но в его распоряжении не было готового языка. Ему пришлось создать новый иврит. Классический иврит, естественно, был лишен технических терминов философии, и Ибн Тиббон изобрел выражения по образцу греческого и арабского. Он снова сделал иврит живым языком, расширив его словарный запас и адаптировав идиомы к требованиям средневековой культуры.

Его сын Самуил (1160-1230) и внук Моисей продолжили линию верных, но неэлегантных переводчиков. Иуда перевел на иврит труды Бахьи, Ибн Гебироля, Иегуды Халеви, Ибн Джанаха и Саадии. Сэмюэль был переводчиком Маймонида и отважно выступил в защиту своего учителя в ожесточенных спорах, возникших по поводу законности и пользы изучения философии. Переводы семьи Тиббон изначально предназначались только для еврейских читателей, но позже тиббонитские версии были переведены на латынь Буксторфом и другими. Другой латинский перевод Маймонида существовал еще в XIII веке.

Из преемников Тиббонов Джейкоб Анатоли (1238) был первым, кто перевел какую-либо часть Аверроэса на любой язык. Аверроэс был арабским мыслителем, имевшим первостепенное значение в Средние века, поскольку благодаря его трудам Европа была знакома с Аристотелем. Ренан утверждает, что все ранние ученики Аверроэса были евреями. Анатолий, зять Самуэля Ибн Тиббона, был приглашен императором Фридрихом II покинуть Прованс и поселиться в Неаполе. Чтобы предоставить Анатолию полный досуг для выполнения переводов, Фредерик выделил ему годовой доход. Анатолий был другом Кристиана Майкла Скотта, и последний делал латинские переводы с иврита первого. Таким образом, христианская Европа познакомилась с Аристотелем в интерпретации Аверроэса (Ибн Рошда). Гораздо позже еврей Абрахам де Бальмес (1523) перевел Аверроэса непосредственно с арабского на латынь. В начале четырнадцатого века Калонимос, сын Калонимоса из Ариса (родился в 1287 году), перевел различные произведения на латынь.

Начиная с XIII века евреи были трудолюбивыми переводчиками всех важных шедевров научной и философской литературы. Их усердие включало работы греческих астрономов и математиков, таких как Птолемей, Евклид, Архимед и многих других. Альфонсо X поручил нескольким евреям сотрудничать с королевскими секретарями в создании новых переводов старых арабских трудов по астрономии. Задолго до этого, в 959 году, монах Николай присоединился к еврею Хасдаю в переводе Диоскорида. Однако большинство еврейских переводчиков были не испанцами, а провансальцами и итальянцами. Именно им мы обязаны еврейскими переводами Галена и Гиппократов, на которых были основаны латинские версии.

Приведенные выше подробности, всего лишь капли из океана аналогичных фактов, показывают, что евреи были посредниками между мусульманским и христианским образованием в средние века. По словам Леки, "евреи были главными переводчиками арабских знаний в Западной Европе". Если вспомнить, что изучение арабского языка долгое время включало изучение греческого, то станет ясно, что Леки приписывает еврейским переводчикам первостепенную роль в истории науки. Роджер Бэкон (1214-1294) задолго до этого сказал нечто подобное: "Майкл Скот заявлял о достоинствах многочисленных переводов. Но несомненно, что еврей трудился над ними больше, чем он. И так же с остальными.

В предшествующем ничего не было сказано об *оригинальном* вкладе еврейских авторов в научную литературу. Евреи активно занимались оригинальными исследованиями, особенно в области астрономии, медицины и математики. Многие еврейские писатели, известные как философы, талмудисты или поэты, были также людьми науки. Существует множество еврейских трудов по календарю, астрономическим инструментам и таблицам, математике, медицине и естественной истории. Некоторые из их авторов разделяют средневековую веру в астрологию и магию. Но примечательно, что Авраам Ибн Эзра сомневался в общепринятой вере в демонов, в то время как Маймонид описывал астрологию как "то заблуждение, которое называется

наукой". Эти темы, однако, слишком технические для более полного рассмотрения в настоящей книге. Подробнее вы найдете в работах, цитируемых ниже.

БИБЛИОГРАФИЯ

СЕМЬЯ ИБН ТИББОНА.

Грец.—III, с. 397 [409].

ЈАСОВ ANATOLI.

Грец.—III, с. 566 [584].

Карпелес.—*Очерк еврейской истории* (Еврейское издательское общество Америки, 1897), стр. 49, 57.

ЕВРЕЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ.

Штайншнайдер, *Еврейская литература*, стр. 62 далее.

НАУКА И МЕДИЦИНА.

Steinschneider.—*Там же.*, стр. 179 след., 260 след.

Также А. Фриденвальд. *Еврейские врачи и вклад евреев в медицинскую науку* (Публикации колледжа Граца, том I).

ГЛАВА XV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Варлаам и Иосафат.—Басни Бидпая.—Авраам Ибн Чисдай.—Берачья ха-Накдан.—Джозеф Забара.

Народные сказки Индии передавались в Европу двумя способами. Во-первых, это было устное распространение. В дружеской беседе у семейного очага, в дружеском общении в таверне и на диване остроумие и мудрость Востока нашли пристанище на Западе. Имея мало возможностей установить тесные отношения с христианским обществом, евреи имели лишь небольшую долю в устном распространении народных сказок. Но был и другой способ распространения, а именно, с помощью книг. Своими произведениями евреи смогли оставить некоторый след в популярной литературе Европы.

Это они сделали своими переводами. Иногда евреи переводили басни и народные сказки исключительно для собственного использования, и в таких случаях переводы не выходили за рамки ивритской формы, в которую они были облечены. Хорошим примером этого является книга Авраама Ибн Чисдая "Принц и назорей", составленная в начале тринадцатого века. Это была еврейская версия легенды о Будде, известная как "Варлаам и Иосафат". В ней рассказывается об обращении принца к аскетической жизни. Его отец тщетно пытался приучить его к жизни в удовольствиях, изолировав в прекрасном дворце, вдали от людских пристанищ, чтобы он никогда не узнал о существовании таких вещей, как зло, страдание и смерть. Конечно, план провалился, принц обнаружил скрытые от него вещи, и он обратился к жизни самоотречения, связанной со святым учением Будды. Эта история является рамкой, в которую вставлен ряд очаровательных сказок, нашедших свое отражение в популярной литературе всего мира. Но в этом распространении индийских историй книга Авраама Ибн Чисдая не сыграла никакой роли.

Совсем иначе обстояло дело с переводом на иврит знаменитых басен о Бидпае, известных на иврите как *Калила ве-Димна*. Эти басни, как и те, что содержатся в "Принце и назорее", были индийскими и фактически представляли собой истории рождения Будды. Они были связаны рамкой, или центральным сюжетом. Большая часть популярных сказок средневековья восходит к Басням о Бидпае, и здесь евреи оказали важное влияние. Некоторые авторитетные источники даже считают, что эти Басни о Бидпае были привезены в Испанию евреями непосредственно из Индии. Это сомнительно, но несомненно, что распространение басен произошло благодаря еврейской деятельности. Еврей перевел их на иврит, и этот иврит был переведен на латынь итальянцем Джоном из Капуи, евреем по происхождению, в 1270 году. Более того, староиспанская версия, которая была сделана в 1251 году, вероятно, также была работой еврейской школы переводчиков, основанной в Толедо Альфонсо. Греческая версия, которая была еще более ранней и датируется 1080 годом, в равной степени была работой еврея. Таким образом, как показал мистер Джозеф Джейкобс, это любопытное собрание басен, оказавшее влияние на Европу, возможно, больше, чем любая другая книга, за исключением Библии, возникло как буддийское произведение и перешло к мусульманам и христианам главным образом через посредничество евреев.

Еще один интересный сборник басен был составлен Берачьей ха-Накданом (Специалистом по Пунктуации, или Грамматике). Он жил в Англии в двенадцатом веке, или, согласно другому мнению, столетием позже он поселился во Франции. Его сборник из 107 "Лисьих басен" завоевал широкую популярность благодаря их остроумию в сочетании с метким использованием библейских фраз в угоду средневековому вкусу. Все басни в этом сборнике

старые, многие из них принадлежат Эзопу, но очень возможно, что первые знания об Эзопе, полученные в Англии, были почерпнуты из латинского перевода "Берахьи".

Большей поэтической ценностью обладала "Книга восторга" Джозефа Забары, написанная примерно в 1200 году в Испании. В этом поэтическом романе собрано большое количество древних басен и преданий, но они вставлены в рамку, которая частично оригинальна. Однажды ночью он, писатель, отдыхал после долгих трудов, когда перед ним предстал великан и велел ему встать. Джозеф поспешно повиновался и при свете лампы, которую нес великан, отведал великолепного угощения, которое приготовил для него его гость. Энан, ибо таково было имя великана, предложил отвезти Джозефа в другую страну, приятную, как сад, где все люди были любящими, все люди мудрыми. Но Джозеф отказался и рассказывал Энану басню за басней о леопардах, лисицах и львах, и все это доказывало, что человеку лучше оставаться там, где он есть, ине путешествовать в чужие места. Но Энан уговаривает Джозефа поехать с ним, и пока они едут дальше, они рассказывают друг другу очень длинную серию превосходных историй и обмениваются множеством остроумных замечаний и анекдотов. Когда, наконец, они добираются до города Энана, Джозеф обнаруживает, что его проводник - демон. В конце концов, Джозеф отрывается от него и возвращается домой в Барселону. Весьма примечательно, что этот сборник сказок, написанный на изысканном иврите, очень похож на другие сборники, которыми позже восхищалась Европа. Трудно поверить, что творчество Забары не оказало влияния на распространение этих сказок. Во всяком случае, евреи, христиане и мусульмане - все читали одни и те же истории и наслаждались ими, все смеялись одним и тем же шуткам. "Это, - говорит мистер Джейкобс, - одно из тех проявлений природы, которые делают весь мир родственным. Эти народные сказки образуют связь не только между эпохами, но и между многими расами, которые думают, что у них нет ничегообщего. У нас есть высочайший авторитет в том, что "из уст младенцев и грудных младенцев Господь утвердил силу", и, несомненно, из всех благотворных влияний в мире ни одно не сравнится с нежными душами маленьких детей. То, что евреи, распространяя народные сказки, предоставили такое большое количество материала для детского воображения цивилизованного мира, на мой взгляд, является немалым поводом для гордости евреев. Это одна из концепций, которые делают реальной для нас идею Братства людей, которая в сознании евреев навсегда ассоциируется с Отцовством Бога".

БИБЛИОГРАФИЯ

Дж. Джейкобс.—*Распространение народных сказок* (в "*Еврейских идеалах*", стр. 135); "*Басни Бидпая*" (Лондон, 1888)
и "*Варлаам и Иосафат*" (Введение).

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 174.

Дж. Джейкобс.—*Евреи Анжуйской Англии*, стр. 165 далее., 278.

А. Нойбауэр.—*J.Q.R.*, II, стр. 520.

ЗАБАРА.

И. Абрахамс.—*J.Q.R.*, VI, стр. 502 (с английским переводом "*Книги наслаждений*").

ГЛАВА XVI

МОИСЕЙ НАХМАНИДЕС

Французские и испанские талмудисты.—Тоссафисты, Ашер из Шпейера, Там, Исаак из Домпера, Барух из Ратисбона, Перес из Корбейля. —Комментарий Нахманида к Пятикнижию.— Публичные разногласия между евреями и христианами.

Нахманидис был одним из первых писателей, добившихся примирения французской и испанской школ еврейской литературы. С одной стороны, его испанское происхождение и воспитание сделали его другом самой широкой культуры; с другой стороны, он был одержим французской приверженностью Талмуду. Моисей, сын Нахмана (Нахманидес, Рамбан, 1195-1270), хотя и был испанцем, говорит: "Французские раввины привлекли большинство евреев к своей точке зрения. Они - наши учителя Талмуда, и к ним мы должны обратиться за наставлениями". С одиннадцатого по четырнадцатый век французская школа талмудистов занималась разъяснением Талмуда, и из "Дополнений" (*Тоссафот*), которые они составили, они известны как тоссафисты. Тоссафисты были движимы совершенно иным духом, чем испанские авторы Талмуда. Но хотя их метод очень сложен и чрезмерно изобретателен, они демонстрируют такое глубокое владение Талмудом, такое превосходное различение и такое острое критическое понимание, что они вполне заслужили ту славу, которой пользовались. Самыми ранними тоссафистами были семья и ученики Раши, но метод распространился из Северной Франции в Прованс, а оттуда в Испанию. Самыми известными тоссафистами были Исаак, сын Ашера из Шпейера (конец XI века); Тэм из Рамеру (внук Раши); Исаак Старший из Домпэра (племянник Тэма); Барух из Ратисбона; и Перес из Корбейля.

Восхищение Нахманидеса французским методом — методом, который никоим образом не ограничивался тоссафистами, — не закрывало от него глаза на его недостатки. "Они пытаются протолкнуть слона через игольное ушко", - саркастически сказал он о некоторых французских казуистах. Таким образом, Нахманидес обладал некоторой независимостью, характерной для

испанских евреев. Он также разделял поэтический дух Испании, и его гимн ко Дню искупления является одним из лучших произведений новоеврейской музыки. Последние строфы звучат так:

Твоя любовь, о Боже, и твоя благодать,
Которая держит грешника в своих мягких объятиях;
Твое прощение, соединяющее пространство
Между делами человека и задачей, поставленной Царем.

Не обращая внимания на все свои грехи, я цепляюсь за тебя!
Я знаю, что милосердие будет подножием твоих ног:
Прежде чем я позову, О, ответь мне,
Ни на что не смею я требовать от тебя, мой король!

О ты, заставляющий вину исчезнуть,
Моя помощь, моя надежда, моя опора, Я не буду бояться;
Хотя ты держишь тело в мрачной темнице,
Душа нашла дворец короля!

Все, что написал Нахманид, согрето нежной любовью. Он был энтузиастом во многих направлениях. Его сердце тянулось к французским талмудистам, но он питал столь искреннюю привязанность к Маймонида, что горячо защищал его от недоброжелателей. Мягкий по натуре, он разразился пламенным негодованием против французских критиков Маймонида. В то же время его нежную душу привлек эмоциональный подход каббалы, или мистического взгляда на жизнь, взгляда, в равной степени противоположного взглядам Маймонида и французской школы. Он пытался играть роль примирителя, но его интеллект, каким бы сильным он ни был, был слишком во власти эмоций, чтобы он мог занять главенствующее место в спорах своего времени.

На мгновение мы можем отвлечься от его книг и обратиться к событиям из его жизни. Как и Маймонид, он был врачом по профессии и раввином в свободное время. Самым знаменательным инцидентом в его карьере в Барселоне стало его невольное участие в публичном споре с новообращенным из синагоги. Пабло Кристиани горел желанием массово обратить евреев в христианство, и в 1263 году он убедил короля Арагона Джейма I вызвать Нахманида на спор об истинности христианства. Нахманидес выполнил царский приказ крайне неохотно. Он чувствовал, что процесс разжигания теологической вражды путем публичной дискуссии может закончиться только религиозным преследованием. Однако у него не было другого выхода, кроме как согласиться. Он оговорил полную свободу слова. Это было предоставлено, но когда Нахманидес опубликовал свою версию дискуссии, доминиканцы пришли в ярость. Действительно, специальная комиссия, назначенная для рассмотрения обвинения в богохульстве, выдвинутого против Нахманидеса, сообщила, что он просто воспользовался правом на свободу слова, которое было ему гарантировано. Тем не менее, он был приговорен к изгнанию, а его брошюра была сожжена. Нахманидес в то время был семидесятилетним. Он поселился в Палестине, где и умер примерно в 1270 году в окружении группы преданных друзей и учеников, которые, однако, не примирили его с разлукой со своим испанским домом. "Я оставил свою семью, - писал он, - я оставил свой дом. Там, с моими

сыновьями и дочерьми, милыми, дорогими детьми, которых я вырастил, стоя на коленях, я оставил также свою душу, Мое сердце и мои глаза, которые будут жить с ними вечно".

Галахические, или талмудические, труды Нахманида уже упоминались. Его гомилетические, или экзегетические, труды имеют большее литературное значение. В "Священном письме" он утверждал, что земная природа человека божественна не меньше, чем его душа, и он защищает "плоть" от нападков на человеческий характер со стороны определенных форм христианства. Тело, согласно Нахманиду, со всеми его функциями является творением Бога и, следовательно, совершенно. "Только грех и пренебрежение уродуют Божьи создания". В другой из своих книг, "Закон человека", Нахманид пишет о страданиях и смерти. Он предлагает противоядие от пессимизма, поскольку смело утверждает, что боль и страдание сами по себе являются "служением Богу, побуждающим человека задуматься о своем конце и о своем предназначении". Нахманид верил в телесное воскресение, но считал, что душа в особом смысле является прямой эманацией Бога. Он не был философом в строгом смысле этого слова; он был скорее мистиком, чем мыслителем, тем, для кого Бог был интуицией, а не понятием разума.

Величайшим трудом Нахманида был его "Комментарий к Пятикнижию". В нем он раскрывает весь свой характер. Создавая свою работу, он говорит нам, что руководствовался тремя мотивами: интеллектуальным, теологическим и эмоциональным. Во-первых, он хотел "удовлетворить умы студентов и разбудить их сердца критическим изучением текста". Его изложение, действительно, основано на настоящей филологии и на глубоком оригинальном изучении Библии. Его стиль особенно привлекателен, и если бы он удовлетворился простым комментарием, его работа была бы признана одной из лучших. Но у него были и другие желания, помимо простого объяснения текста. Во-вторых, у него был теологический мотив оправдать Бога и открыть в словах Священного Писания скрытый смысл. В библейских повествованиях Нахманид видит *типы* истории человека. Таким образом, рассказ о шести днях творения превращается в пророчество о событиях, которые произойдут в течение следующих шести тысяч лет, а седьмой день является прообразом тысячелетнего царства. Точно так же Нахманид находит символический смысл в текстах Священных Писаний, "ибо в Торе скрыты каждое чудо и каждая тайна, и в ее сокровищах запечатана вся красота мудрости". Наконец, Нахманид писал не только в образовательных и теологических целях, но и в назидание. Его третьей целью было "принести мир в умы студентов (страдающих от преследований и неприятностей), когда они читают отрывок из Пятикнижия по субботам и праздникам, и привлечь их сердца простыми объяснениями и приятными словами". В этой части его комментария проявляется его собственный энтузиазм и любящий темперамент. Это правда, как говорит Грец, что Нахманид оказал большее влияние на своих современников и на последующие эпохи своей личностью, чем своими трудами. Но следует добавить, что труды Нахманида - это его личность.

БИБЛИОГРАФИЯ

МАНИДЕС.

И.Х. Вайс, *Изучение Талмуда в Тринадцатом веке*, JQR, I, стр. 289.

С. Шехтер.—*Исследования по иудаизму*, стр. 99 [120].

Грец.—III, 17; также III, стр. 598 [617].

ДЖЕЙКОБ ТЭМ.

Грец.—III, с. 375 [385].

ТОССАФИСТЫ.

Грец.—III, стр.. 344 [351], 403 [415].

ГЛАВА XVII

" ЗОАР " И БОЛЕЕ ПОЗДНИЙ МИСТИЦИЗМ

Kabbala.—Бахир.—Абулафия.—Моисей Леонский.—Зоар.—Исаак Лурья.—Исайя Гурвиц.—Христианские каббалисты.—Хасиды.

Мистицизм - это название, данное вере в прямое, интуитивное общение с Богом. Во всех истинных религиях есть мистические элементы, ибо все истинные религии утверждают, что человек может общаться с Богом, душа с душой. В Псалмах Бог - это Скала сердца, Часть чаши, Пастырь и Свет, Источник Жизни, безграничная Радость. Все это, в некотором смысле, *мистический* язык. Но мистицизм таит в себе много опасностей. Он склонен путать смутную эмоциональность и даже истерию с общением с Богом. Еще одним недостатком мистицизма является то, что в его средневековых формах он имел тенденцию к умножению промежуточных существ, или ангелов, которых он создавал для обеспечения средств для того общения с Богом, которое, по утверждению мистиков, было прямым. Наконец, из глубоко укоренившегося эмоционального аспекта религии мистицизм выролдился в интеллектуальный спорт, игру словами и жонглирование символами.

Еврейский мистицизм прошел через все эти стадии. Каббала — так назывался мистицизм — на самом деле означает "Традиция", и это название доказывает, что теория уходит своими корнями далеко в прошлое. Только что было сказано, что в Псалмах присутствует мистицизм. Итак, идея вдохновения заключается в том, что пророк получает послание непосредственно от Бога, с которым он говорил лицом к лицу. После эпохи пророчеств еврейский мистицизм проявился в сильной личной религиозности, а также в любви к апокалиптической литературе, или литературе сновидений, в которой спящий мог, подобно Даниилу, почувствовать себя погруженным в лоно Божье.

Все более ранние литературные формы мистицизма, или теософии, произвели сравнительно небольшое впечатление на еврейских писателей. Но в начале тринадцатого века в "тайной" науке Каббала произошло большое развитие. Тот самый период, который породил рационализм Маймонида, породил эмоциональность Каббалы. Каббала поначалу была протестом против чрезмерного интеллектуализма и жесткости в религии. Это вернуло религию сердцу. Ряд авторов более или менее обращались к этой теме, а затем Каббала предприняла более смелый полет. Эзра, или Азриэль, учитель Нахманида, составил книгу под названием "Великолепие" (*Бахир*) в 1240 году. Это сразу же было расценено как очень древняя книга. Как будет видно, та же претензия на древность была сделана в отношении другого известного каббалистического труда более позднего поколения. При Тодросе Абулафии (1234-1304) и Аврааме Абулафии (1240-1291) мистическое движение приняло практическую форму, и еврейские массы были очень взволнованы рассказами о совершенных чудесах и появлении нового Мессии.

В этот момент Моисей из Леона (родился в Леоне около 1250 года, умер в Аревало в 1305 году) написал самую известную каббалистическую книгу средневековья. Это было названо, в подражание Бахиру, "Великолепие" (*Зоар*), и его блестящий успех соответствовал названию. Эта экстраординарная книга не только вознесла каббалу на вершину ее влияния, но и придала ей прочную и, как оказалось, неопровержимую основу. Как и "Бахир", "Зоар" был предложен публике не за его собственные достоинства, а был объявлен как произведение Симона, сына Йохая, жившего во втором веке. Утверждалось, что "Зоар" был спрятан в пещере в Галилее более тысячи лет, а теперь был внезапно обнаружен. Зоар - действительно гениальное произведение, его духовная красота, причудливость, смелые образы, глубина преданности ставят его в один ряд с величайшими книгами мира. Его литературный стиль, однако, менее похвален; он сложный и запутанный. Как Чаттертон облакал свои идеи в псевдоархаичный английский, так и Мозес Леонский использовал арамейскую идиому, с которой он обращался неуклюже и не в той манере, которая была присуща Борну. Не было бы так важно настаивать на том факте, что "Зоар" был литературной подделкой, что он претендовал на древность, которой не владел, если бы не то, что многие евреи и христиане до сих пор пишут так, как будто они верят, что книга так стара, как о ней утверждали. Недостатки "Зоара" соответствуют этому обману. В Библии читаются абсурдные аллегории; слова Священного Писания являются фишками в игре искажений и комбинаций; сам Бог скрыт в лабиринте мистических существ, по-детски задуманных и по-детски названных. С философской точки зрения "Зоар" не обладает оригинальностью. Его доктрины о Переселении Души, о Творении как самооткровении Бога в мире, об эманации из божественной сущности получеловеческих, полубожественных сил были всего лишь общими местами средневековой теологии. Его великая первоначальная идея заключалась в том, что богооткровенное Слово Божье, Тора, было создано ни с какой иной целью, кроме как для того, чтобы осуществить союз между душой человека и душой Бога.

Подкрепленная этим любопытным сочетанием совершенства и бессмыслицы, Каббала стала одной из сильнейших литературных связей между евреями и христианами. Вряд ли этому стоит удивляться, поскольку "Зоар" содержит некоторые идеи, которые являются скорее христианскими, чем еврейскими. Христиане, такие как Пико ди Мирандола (1463-1494), под влиянием еврейского каббалиста Йоханана Алемана и Иоганна Рейхлина (1455-1522), разделявшего дух Пико и предшественника улучшенного изучения Священных Писаний в Европе, сделали Зоар основой своей защиты еврейской литературы от попыток различных церковных организаций сокрушить и уничтожить ее.

Однако Каббала не сохранила высокого места в сфере литературы. Это сильно повлияло на еврейские религиозные церемонии, породило души святых, и из таких центров, как Цфат и Салоники, были посланы такие люди, как Соломон Молчо и Саббатай Цеви, которые утверждали, что они мессии и могут творить чудеса с помощью каббалистических способностей. Но с литературной точки зрения Каббала была бесплодным источником вдохновения. Более поздние работы каббалистов представляют собой перепев более старых работ. Зоар был библией каббалистов, а более поздние работы школы были комментариями к этой Библии. Зоар вобрал в себя всю более раннюю каббалистическую литературу, такую как "Книга творения" (*Сефер Йецира*), Книга Разиэль, Алфавит рабби Акибы, и это было последнее литературное выражение Каббалы.

Поэтому нет необходимости делать что-то большее, чем назвать одного или двух наиболее известных каббалистов постзогаристической эпохи. Исаак Лурья (1534-1572) был святым, настолько лишенным самомнения, что ничего не публиковал, хотя его успех пришелся на то самое время, когда типография выпускала тиражи передачи "Зоар". Своим знанием каббалистических идей Лурья мы обязаны плодотворным трудам его ученика Хаима Виталя Калабрезе, который умер в Дамаске в 1620 году. Другими известными каббалистами были Исая Гурвиц (около 1570-1630), автор вызывающего восхищение этического труда "Две скрижали Завета" (*Шелох*, как его фамильярно называют по инициалам его еврейского названия); Неемия Чаун (около 1650-1730); и еврейский драматург Моисей Хаим Луццатто (1707-1747).

Более позднее каббалистическое движение, возглавляемое основателем "новых святых", или хасидов, Израэлем Баалшемом (около 1700-1772), было еще менее литературным, чем только что описанное. Но каббалисты, средневековые и современные, были выдающимися писателями в одной области литературы. Каббалисты и хасиды были авторами некоторых из самых изысканных молитв и медитаций, которые душа еврея изливала с тех пор, как были закончены Псалмы. Это освобождает более позднюю каббалистическую литературу от совершенно неблагоприятного вердикта, который в противном случае был бы вынесен в ее адрес.

БИБЛИОГРАФИЯ

КАВБАЛА.

Грец.—III, стр. 547 [565]

С ДЕ ЛЕОНОМ.

Грец.—IV, 1.

ЗОАР.

А. Neubauer.—*Бахир и Зоар, JQR*, IV, стр. 357.

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 104.

ИСААК ЛУРЬЯ.

Грец.—IV, стр. 618 [657].

САББАТАЙ ЦЕВИ.

Грец.—V, стр. 118 [125].

ХАСИДЫ.

Грец.—V, 9.

Шехтер.—*Исследования по иудаизму*, стр. 1.

ГЛАВА XVIII

ИТАЛЬЯНСКО - ЕВРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Эммануил и Данте.—Махберот.—Иуда Романо.—Калонимос.—Эбен Бочан.—Мозес Риети.—Мессер Леон.

Развитие еврейской литературы в Италии шло по тому же пути, что и в Испании. Группа итальянских авторов была менее блестящей, но разница заключалась в степени, а не в характере. Итальянская аристократия, подобно мавританским халифам и визирям, покровительствовала образованию и поощряла евреев в их литературных амбициях.

Однако тот факт, что вдохновение в Испании исходило от ислама, а в Италии - от христианства, имел определенные последствия. В Испании евреи следовали арабским образцам стиля. В Италии влияние классических моделей ощущалось во времена Возрождения. Наиболее примечательным из всего этого было то, что еврейские поэты Италии были в долгу перед Данте.

Не исключено, что Данте был личным другом самого известного из этих еврейских поэтов, Эммануила, сына Соломона Римского. Как и другие евреи Рима, Эммануил находился в самых дружеских отношениях с христианами, ибо нигде средневековая нетерпимость не ощущалась так остро, как в самом кресле папы, главы Церкви. Таким образом, с одной стороны, Эммануил был ведущим членом синагоги, а с другой - он вел литературную переписку с образованными христианами, с поэтами и деятелями науки. Он сам был врачом, и его стихи дышат научным духом. Как и ранее в Испании, кружок Эммануэля рассматривал создание стихов как часть культуры ученого. На заседаниях кружка обменивались остроумными стихами в форме загадок и эпиграмм. У этих поэтов, в число которых входил Калонимос, сочинение стихов было модным. С другой стороны, музыка культивировалась не столько итальянскими евреями, сколько испанцами. Следовательно, и Эммануилу, и Калонимосу не хватает легкости и мелодичности лучших авторов еврейских стихов в Испании. Итальянцы искупили эту потерю своей тематикой. Они жизнерадостные поэты, полные радости жизни. Они светские, а не религиозные поэты; лучшая из испано-еврейских поэзий была религиозной, а лучшая из итальянских настолько светской, что пиетисты осудили ее как слишком легкомысленную и слишком сильно "обезображенную несвоевременным легкомыслием".

Эммануил родился в Риме примерно в 1270 году. Он редко упоминает своего отца, но часто называет свою мать Юстой как женщину благочестивого и благородного характера. В юности у него было сильное пристрастие к научным исследованиям, и он питался "Руководством" Маймонида, трудами греков и арабов, а также трудами христианских школяров, которые он читал в переводах на иврит. Помимо философии, математики, астрономии и медицины, Эммануил изучал Библию и Талмуд и стал опытным ученым. Он не родился поэтом, но он глубоко читал поэтическую литературу евреев и христиан и брал уроки составления рифм. Он был богат, и его дом был местом встреч остроумцев и ученых. Его собственное положение в еврейской общине было замечательным. Уже было сказано, что он принимал активное участие в управлении коммунальными делами, но он сделал нечто большее. Он проповедовал в синагоге в День Искупления и произносил хвалебные речи над останками ушедших достойных людей. К концу своей жизни он понес потери как в состоянии, так и в друзьях, но в конце концов нашел новый дом в Фермо, где его радушно приняли в 1328 году. Дата его смерти неизвестна, но он умер примерно в 1330 году.

Его работы были скорее разносторонними, чем глубокими. Он писал грамматические трактаты и комментарии, которые демонстрируют скорее ученость, чем оригинальность. Но его поэтические произведения представляют большой интерес для истории еврейской литературы. Он жил на заре Возрождения в Италии. Итальянский язык только-только эволюционировал под влиянием гения Данте из простого нагромождения диалектов в литературный язык. Данте сделал для Италии то, что вскоре после этого Чосер сделал для Англии. С одной стороны, под влиянием эпохи Возрождения и рождения нового итальянского языка, с другой - под влиянием еврейского возрождения письменности в Испании и Провансе, только итальянские евреи сочетали еврейский дух с духом классического Возрождения. Эммануил был воплощением этой сложной души.

Это можно увидеть по форме *Махберота* Эммануила, или "Коллекции". Последняя ее часть, названная отдельно "Ад и Эдем", была скопирована с христианского Данте; поэма в целом была задумана на основе "*Тачкемони*" Чаризи, ивритского варианта арабского "Дивана". Поэт не является героем своей собственной песни, но, подобно арабским поэтам "дивана", создает персонажа, занимающего центр полотна, — персонажа, действительно идентичного автору, но в некотором смысле отличного от него. Особый эффект производит эта двойная роль, сыгранная поэтом, который как бы высмеивает свои собственные поступки. В "*Махбероте*" Эммануила много разнообразных романтических эпизодов. Но именно в сатире он достигает своего наивысшего уровня. Любовь и вино часто звучат в его песнях, как и в провансальской и итальянской поэзии его времени. Эммануил был чем-то вроде Вольтера в своем шутовском обращении со священными вещами, а пиетисты вроде Джозефа Каро препятствовали изучению *Махберота*. Другие тоже называли его песни чувственными, а сатиру - богохульной. Но благочестивый и искренний характер некоторых молитв Эммануила — некоторые из них можно найти в самих "*Махбероте*" — доказывает, что распушенность и легкомыслие Эммануила были вызваны не отсутствием благоговения, а попыткой примирить идеалы итальянского общества периода Возрождения с идеалами иудаизма.

Своей рифмованной прозой Иммануил был обязан Чаризи, но он снова демонстрирует свою преданность двум мастерам, сочиняя сонеты на иврите. Сонет был тогда новинкой в итальянской поэзии, и, таким образом, еврейские образцы Эммануила принадлежат к самым ранним сонетам, написанным в любой литературе. Действительно, невозможно передать точное ощущение разнообразия сюжетов и форм в *Махбероте*. "Серьезные и легкомысленные темы наступают друг другу на пятки; все метрические формы, молитвы, элегии, отрывки в неметрических рифмах - все смешано воедино". Последняя глава, однако, носит иной характер, и ее часто печатали как отдельное произведение. Это "Ад и Эдем", на которые уже делался намек.

Связь между Иммануилом и его современником-провансальцем Калонимосом была установлена Иудой Романо, еврейским школьником. Все трое состояли на службе у короля Неаполя. Калонимос был равен Романо как философ и ненамного уступал Иммануилу как сатирик. Он был более плодовитым поэтом, чем Иммануил, ибо, в то время как Иммануил оставался единственным представителем своей манеры, Калонимос породил целую школу подражателей. Калонимос написал много переводов Галена, Аверроэса, Аристотеля, аль-Фараби, Птолемея и Архимеда. Но именно его острый ум, а не ученость сделали его популярным в Риме и побудили евреев этого города во главе с Эммануилом убедить Калонимоса навсегда поселиться в Италии. Две сатирические поэмы Калонимоса назывались "Пробный камень"

(Эбен Бочан) и "Пуримский трактат". Они высмеивают обычаи и социальные привычки евреев того времени в ярком и мощном стиле. В своем Пуримском трактате Калонимос пародирует стиль, логику и фразеологию Талмуда, и его работа стала предшественницей множества подобных пародий.

Было много итальянских авторов *пютим*, то есть синагогальных гимнов, но они были посредственными по достоинству. Элегии, написанные в оплакивании сожжения Закона и мученических смертей, пережитых в различных частях Италии, были единственными достойными уважения стихотворениями, написанными на иврите в этой стране. Италия по-прежнему славилась в еврейской поэзии светскими, а не религиозными произведениями. В пятнадцатом веке Мозес Риети (родился в 1389 году, умер позже 1452 года) еще раз подражал Данте в его "Малом святилище" (*Микдаш Меат*). Здесь снова можно заметить особенность, характерную для итальянской еврейской поэзии. Риети использует регулярные строфы, итальянские формы стиха, в этом вопросе следуя примеру Эммануила. Мессер Леон, врач из Мантуи, написал трактат о библейской риторике (1480). Опять же, единственным крупным автором драм на иврите был, как мы увидим, итальянский еврей, копировавший итальянские образцы. Хотя, таким образом, ивритская поэзия Италии едва ли занимает первое место, исторически она имеет первостепенное значение. Это единственное влияние эпохи Возрождения на еврейскую литературу. В других странах положение евреев было таково, что они были отрезаны от внешних воздействий. Их литература, как и их жизнь, пострадала от заключения в гетто, которые были созданы как самими евреями, так и правительствами Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Мораль.—*Итальянская еврейская литература* (Публикации колледжа Граца, том 1).

Иммануил И Калонимос.

Грец.—IV, стр. 61 [66].

Дж. Хоцнер.—*Иммануэль ди Роми, J.Q.R.*, IV, стр. 64.

G. Sacerdote.—*Девятый "Мехабберет" Эмануэле да Рома, JQR*, VII, стр. 711.

Джуда (ЛЕОНЕ) РОМАНО.

Грец.—IV, стр. 68 [73].

МОЗЕС РИЕТИ.

Грец.—IV, стр. 230 [249].

МЕССЕР ЛЕОН.

Грец.—IV, стр. 289 [311].

ГЛАВА XIX

ЭТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бачья Ибн Пекуда.—Чобот ха-Лебабота.—Сефер ха-хасиды.—Рокич.—"Бехинат Олам" Йедайи Бедаресси. — "Менорат ха-Маор" Исаака Абоаба.—"Око Иакова" Ибн Хабиба.—Зеваоф, или Этическая воля.—Джозеф Ибн Каспи.—Соломон Алами.

Большая часть всех книг на иврите этична. Многие из работ, которые уже рассматривались здесь, подпадают под эту категорию. Талмудические, экзегетические и философские труды евреев были также этическими трактатами. Однако в этой главе внимание будет ограничено несколькими книгами, которые в особом смысле этичны.

Сборники моральных пословиц, такие как "Выбор жемчуга", приписываемый Ибн Гебиролю, и "Максимы философов" Харизи, были большими фаворитами в средние века. Они обладали особым шармом, но не были оригинальными. Они были либо компиляциями из старых книг, либо прямыми переводами с арабского. Совсем иначе обстояло дело с этическим трудом, озаглавленным "Обязанности сердца" (*Choboth ha-Lebaboht*) Бачьи Ибн Пекуды (около 1050-1100). Это было столь же оригинально, сколь и убедительно. Бачья основал свою этическую систему на Талмуде и философских представлениях, актуальных в его время, но из этих элементов он выработал оригинальный взгляд на жизнь. Внутренние обязанности, продиктованные совестью, были поставлены выше всякой общепринятой морали. Бачья проник в самое сердце религии. Его душа была наполнена Богом, и это общение, несмотря на вызываемые им аскетические чувства, было для Бачьи огромной радостью. Его книга поражает читателя сдержанным энтузиазмом самого автора. "Обязанности сердца" Бачьи - самая вдохновенная книга, написанная евреем в средние века.

Отчасти достойной места рядом с трактатом Бачьи является этическая книга, написанная в землях Рейна в XIII веке. "Книга благочестивых" (*Сефер ха-хасидим*) носит мистический характер, и со временем в нее были вставлены элементы суеверия. Ошибочно приписываемая одному автору, Иуде Хасиду, "Книга благочестивых" на самом деле была объединенным продуктом еврейского духа XIII века. Это конгломерат возвышенного и тривиального, чисто этического и церемониального. С этой популярной и замечательной книгой могут быть связаны другие конгломераты ритуального, этического и мистического, такие как "*Рокич*" Элеазара Вормского.

Более простой, но не менее популярной работой было "Исследование мира" Йедаи Бедаресси (*Bechinath Olam*), написанное примерно в 1310 году. Стиль его витиеват, но поэтичен, а множество причудливых оборотов, которые он придает цитатам из Библии, напоминают читателю об Ибн Гебиrole. Его искренний призыв к человеку стремиться к высшей жизни, его легко понятная и банальная мораль вызвали симпатию у "широкого читателя" средневековья. Немногие книги печатались чаще, немногие чаще переводились.

Другой любимый класс книг по этике состоял из компиляций, сделанных непосредственно из Талмуда и мидраша. Старейшим и наиболее ценным из них был "Светильник света" Исаака Абоаба (*Менорат ха-Маор*). Это была превосходно написанная книга, четко организованная и до краев наполненная этическими жемчужинами. Работа Абоаба была написана между 1310 и 1320 годами. Он составлен по темам, отличаясь в этом отношении от другого очень популярного сборника, "Глаза Иакова" Джейкоба Ибн Чабиба (*En Yaakov*), который был завершен в шестнадцатом веке. При этом отрывки из Агад Талмуда извлекаются без расположения, при этом сохраняется порядок самого Талмуда. "Око Иакова" было чрезвычайно популярным произведением.

О чисто религиозной литературе иудаизма здесь говорить невозможно. Здесь следует отметить еще одну этическую книгу, поскольку она приобрела широкую и заслуженную популярность. Это "Путь праведных" (*Messilath Yesharim*) Моисея Хаима Луццатто, о котором подробнее будет сказано в следующей главе. Но здесь следует уделить немного больше места разновидности этических трактатов, которые были характерны для еврейских моралистов. Эти трактаты были так называемыми этическими завещаниями.

Эти Этические Завещания (*Зеваоф*) содержали четкие указания отцов своим детям или престарелых учителей своим ученикам. По большей части они были спокойно написаны в преклонном возрасте, но не непосредственно перед смертью авторов. Некоторые из них были очень тщательно составлены и представляют собой официальные этические трактаты. Но в основном они очаровательно естественны и незатронуты. Они предназначались для абсолютно частного использования детьми и родственниками или каким-нибудь любимым учеником, который занимал самое дорогое место в глазах своего учителя. Они не предназначались для публикации, и, таким образом, поскольку у автора не было оснований ожидать, что его слова выйдут за пределы ограниченного круга, "Этическое завещание" является ясным раскрытием его самых сокровенных чувств и идеалов. Интеллектуально некоторые из этих Этических Воль бедны; однако в моральном плане общий уровень очень высок.

Обращения родителей к своим детям встречаются в Библии, Апокрифах и раввинской литературе. Но самое раннее из дошедших до нас Этических завещаний, написанных как независимый документ, принадлежит Елеазару, сыну Исаака Вормсского (около 1050 г.), которого не следует путать с автором *Рокича*. Одиннадцатый и двенадцатый века дают мало примеров Этической Воли, но начиная с тринадцатого века и далее их можно найти в изобилии. "Не думай о зле, - говорит Елеазар из Вормса, - ибо злые мысли ведут к злым поступкам.... Очисти свое тело, обитель твоей души.... Отдай из всей своей пищи часть Богу. Пусть Божья доля будет лучшей, и раздай ее бедным ". В завещании переводчика Иуды Ибн Тиббона (около 1190 г.) содержится по крайней мере один отрывок, достойный Рескина: "Избегай дурного общества, сделай свои книги своими спутниками, пусть твои книжные шкафы и полки станут твоими садами и площадками для развлечений. Сорвите плоды, которые растут там, соберите розы, пряности и мирру. Если душа твоя пресыщена и утомлена, переходи от сада к саду, от борозды к борозде, от зрелища к зрелищу. Тогда твое желание возобновится, и душа твоя насытится наслаждением". Завещание Нахманида - это искренний панегирик смирению. Ашер, сын Иехиэля (четырнадцатый век), назвал свое завещание "Пути жизни", и оно включает в себя 132 максимы, которые часто печатаются в молитвеннике. "Не повинуйся Закону ради награды и не избегай греха из страха наказания, но служи Богу из любви. Не спи слишком много, но встань с птицами. Не спеши отвечать на оскорбительные замечания; не поднимай руку на другого, даже если он проклинает твоего отца или мать в твоём присутствии".

Некоторые из этих завещаний, как и завещание сына последнего из упомянутых, написаны рифмованной прозой; некоторые вызывают споры. Джозеф Ибн Каспи пишет в 1322 году: "Как я могу познать Бога и то, что он един, если я не знаю, что означает знание и что составляет единство? Почему все это должно быть предоставлено философам-неевреям? Почему Аристотель должен единолично владеть сокровищами, которые он украл у Соломона?" Вера в то, что Аристотель посетил Иерусалим вместе с Александром Македонским и там овладел мудростью Соломона, была одним из самых любопытных мифов Средневековья. Завещание Елеазара Левита из Майнца (1357) - простой документ, не имеющий литературных достоинств, но содержащий четкое изложение обязанностей. "Судите каждого человека милосердно и прилагайте все усилия, чтобы найти доброе объяснение своему поведению, каким бы подозрительным оно ни было.... Отдавайте на благотворительность точную десятую часть своего имущества. Никогда не прогоняйте бедняка с пустыми руками. Говорите не больше, чем необходимо, и таким образом избегайте клеветы. Не будьте как бессловесный скот, который не произносит ни слова благодарности, но благодарите Бога за его щедрости в то время, когда они происходят, и пусть в ваших молитвах воспоминание об этих личных милостях согревает ваши сердца и побуждает вас к особому рвению при произнесении общей благодарности за общее благополучие. Когда на литургии произносятся слова благодарности, сделайте паузу и молча поразмышляйте о благодати Бога к вам в этот день".

Разительным контрастом с простотой вышеизложенного является тщательно разработанное "Письмо-совет" Соломона Алами (начало пятнадцатого века). Она написана красивой рифмованной прозой и является важным историческим документом. Ибо автор разделял страдания евреев Пиренейского полуострова в 1391 году, и это придает трогательный смысл его совету: "Беги без колебаний, когда изгнание - единственное средство обеспечения религиозной свободы; не обращай внимания на свою мирскую карьеру или свое имущество, но уходи немедленно".

Нет необходимости подробно описывать природу Этических завещаний шестнадцатого и последующих веков. Они во многом схожи с предыдущими, но имеют тенденцию становиться более изученными и менее простыми. И все же, хотя как литература они часто совершенно незначительны, как этика они редко опускаются ниже посредственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

ЭТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 100, 232.

В.Н. Ascher.—*Выбор жемчуга* (с английским переводом, Лондон, 1859).

Д. Розин.—*Этика Соломона Ибн Гебиरोля, JQR*, III, стр. 159.

Бачья.

Graetz, III, p. 271.

ЕДАЙЯ БЕДАРЕССИ.

Грец.—IV, стр. 42 [45].

Дж. Хоцнер.—*J.Q.R.*, VIII, стр. 414.

Т. Гудман. Английский перевод "*Бехинат Олам*" (Лондон, 1830).

ЭТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ.

Edelmann.—*Путь хороших людей* (Лондон, 1852).

И. Абрахамс, *J.Q.R.*, III, стр. 436.

ГЛАВА XX

РАССКАЗЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Эльдад Данитянин.—Вениамин из Туделы.—Петахия из Ратисбона.—Эстори Парчи.—Абрахам Фариссол.—Дэвид Рубени и Молчо.—Антонио де Монтесинос и Манассия бен Израэль.—Товия Козн.—Вессели.

Добровольные и вынужденные путешествия евреев, начиная с самого раннего периода после разрушения Храма, породили обширную, хотя и фрагментарную географическую литературу. В Талмуде и более поздних религиозных книгах, в Письмах гаонимов, в переписке еврейских послов, в автобиографических повествованиях, вкрапленных в труды всех еврейских ученых средневековья, в *Арухе*, или Талмудическом словаре Натана Римского, в сатирических романах поэтических путешественников по миру, Забары и Харизи, и, наконец, в комментариях к Библии, написанных евреями, можно найти множество географических примечаний. Но полное собрание сочинений, посвященное путешествиям и исследованиям, датируется только двенадцатым веком.

Однако еще до этого интерес к местонахождению потерянных десяти колен породил книгу, которая получила удачное название "Тысяча и одна ночь евреев". "Дневник Эльдада Данита", написанный примерно в 880 году, был популярным романтическим произведением, в которое в разные периоды вносились дополнения и изменения. В этом дневнике рассказывается о могущественных израильских империях, особенно о колене Моисея, все народы которого были добродетельны, счастливы и долгоживы.

"Река течет вокруг их земли на расстоянии четырех дней пути со всех сторон. Они живут в красивых домах с красивыми башнями, которые они построили сами. Среди них нет ничего нечистого, ни в отношении птиц, ни в отношении оленины, ни в отношении домашних животных; нет ни диких зверей, ни мух, ни лисиц, ни паразитов, ни змей, ни собак, и вообще ничего, что причиняло бы вред; у них есть только овцы и крупный рогатый скот, которые приносят потомство два раза в год. Они сеют и жнут, у них есть всевозможные сады со всевозможными фруктами и злаками, бобами, дынями, тыквами, луком, чесноком, пшеницей и ячменем, и семена вырастают во сто крат. У них есть вера; они знают Закон, Мишну, Талмуд и Агаду.... Ни один ребенок, будь то сын или дочь, не умирает при жизни своих родителей, но они достигают третьего или четвертого поколения. Они сами выполняют все полевые работы, у них нет ни слуг, ни женщин. Они не закрывают свои дома на ночь, потому что среди них нет вора или злодея. У них много золота и серебра; они сеют лен, выращивают малинового червя и шьют красивые одежды.... Река Самбатион имеет ширину двести ярдов, примерно на расстояние выстрела из лука. Он полон песка и камней, но без воды; камни издают сильный шум, подобный морским волнам и штормовому ветру, так что ночью шум слышен на расстоянии половины дня пути. В нем водится рыба, и вокруг него летают всевозможные чистые птицы. И эта река из камня и песка течет в течение шести рабочих дней и отдыхает в день субботний. Как только начинается суббота, реку окружает огонь, и пламя остается до следующего вечера, когда суббота заканчивается. Таким образом, ни одно человеческое существо не может подойти к реке на расстояние полумили с обеих сторон; огонь пожирает все, что там растет".

С диким восторгом евреи девятого века слышали об этих процветающих и могущественных королевствах. Надежды на восстановление былого достоинства побуждали их верить в мифическое повествование об Эльдаде. Сомнительно, был ли он *добросовестным* путешественником. Во всяком случае, в его книгу вошло многое из того, что стало легендарным достоянием всех народов в средние века, например, басня о могущественном христианском императоре Индии пресвитере Иоанне.

Некоторые дополнительные сведения об этом полумифическом монархе содержатся в первой настоящей книге еврейского путешественника "Маршрут" Вениамина Тудельского. Этот Вениамин был купцом, который в 1160 году отправился в долгое путешествие, вызванное отчасти коммерческими, отчасти научными мотивами. Он посетил большую часть Европы и Азии, побывал в Иерусалиме и Багдаде, и приводит в своем "Маршруте" несколько замечательных географических фактов и несколько не менее замечательных басен. Он рассказывает, например, историю мнимого Мессии Дэвида Элроя, которого Дизраэли сделал героем одного из своих романов. "Маршрут" Бенджамина из Туделы стал настоящим вкладом в географию.

Вскоре после Вениамина другой еврей, Петахия из Ратисбона, отправился в аналогичное, но менее продолжительное путешествие, в котором участвовал в течение 1179 и 1180 годов. Его "Путешествия" менее информативны, чем у его непосредственного предшественника, но его описания реальных или предполагаемых гробниц древних достойных людей и его рассказ о Еврейском колледже в Багдаде полны романтического интереса, который не уменьшался для средневековых читателей, потому что большая часть повествования Петахии была легендарной.

Гораздо более важная работа была написана первым еврейским исследователем Палестины Эстори Парчи, современником Мандевилля. Его семья происходила из Флоренцы, в Андалусии, и фамилия Парчи (Цветок) произошла от этого обстоятельства. Эстори сам родился в Провансе и изучал естественные науки так же хорошо, как Талмуд. Когда он вместе с остальными евреями Франции был сослан в 1306 году, он скитался по Испании и Египту, пока притяжение Святой Земли не оказалось непреодолимым. Его манеры были аккуратными, а любовь к точности необычной для его времени. Следовательно, он не удовлетворился сбором всех древних и современных упоминаний о достопримечательностях Палестины. В течение семи лет он посвятил себя личному исследованию страны, два года провел в Галилее. В 1322 году он завершил свою работу, которую назвал *Кафтор ва-Ферах* (Букет и цветок), намекая на свое собственное имя.

Доступ евреям в Святую Землю стал проще в четырнадцатом веке. До этого город Иерусалим в течение значительного периода времени был закрыт для еврейских паломников. По законам Константина и Омара ни один еврей не мог входить в пределы своей древней столицы. Даже в последующие столетия после Омара такие паломничества были сопряжены с опасностью, но стихи Иегуды Халеви, терпимость ислама и репутация Северной Сирии как центра каббалы в совокупности привлекли многих евреев в Палестину. Результатом стало множество писем и рассказов. Должно быть достаточно одного характерного образца. В 1488 году Обадиа из Бертиноро, автор самого популярного комментария к Мишне, переехал из Италии в Иерусалим, где был назначен раввином. В письме своему отцу он дает чрезвычайно трогательный отчет о своем путешествии и о состоянии Хеврона и Сиона. Повествование полно личных подробностей

и на всем протяжении отмечено глубокой любовью к своему отцу, которая борется за господство с его любовью к Святому Городу.

Более амбициозным произведением была "Итинера мунди" Абрахама Фариссола, написанная осенью 1524 года. Этот трактат был основан на оригинальных исследованиях, а также на работах христианских и арабских географов. Он, между прочим, много говорит о положении евреев в различных частях света. Действительно, почти все географические труды евреев представляют собой социальные истории их братьев по вере. Несколько позже Дэвид Рубени опубликовал несколько странных историй о евреях. Он отправился в Рим, где произвел немалую сенсацию и был принят папой Климентом VII (1523-1534). Невысокого роста и смуглый, Дэвид Рубени был истощен постоянным постом, но его манеры, хотя и были суровыми и неприступными, были бесстрашными и внушали благоговейный трепет. Его возмутительная ложь на какое—то время нашла одобрение как у евреев, так и у христиан, а его пылкий мессианизм привлек на свою сторону многих маррано - евреев, которых инквизиция в Испании вынудила принять внешнее одеяние христианства. Его главной претензией на память потомков была его связь с драматической карьерой Соломона Молчо (1501-1532), юноши благородного ума и тела, который по наущению Рубени олицетворял Мессию и в раннем зрелом возрасте умер мученической смертью в пламени инквизиции в Мантуе.

Географическая литература евреев не утратила своей связи с мессианскими надеждами. Антонио де Монтесинос в 1642 году вообразил, что открыл в Южной Америке потомков Десяти племен. Деловые соображения и любовь к путешествиям привели его за границу, и в Бразилии он познакомился с индейцем-метисом, из высказываний которого у него сложилось твердое убеждение, что Десять племен проживают и процветают в Бразилии. Два года спустя он посетил Амстердам и, воспламененный надеждами, которые не были заглушены несколькими годами пребывания в тюрьмах и пытках инквизиции, убедил Манассию бен Израэля согласиться с его заявлениями. На смертном одре в Бразилии Монтесинос повторил свои утверждения, и Манассия бен Израэль не только основал на них свою знаменитую книгу "Надежда Израиля", но и под влиянием схожих идей почувствовал побуждение посетить Лондон и добиться у Кромвеля права евреев переселиться в Англию.

Еврейская географическая литература быстро росла в восемнадцатом веке. Знаменитая книга "Труд Товии" была написана в начале этого периода Товией Коэном, который родился в Меце в 1652 году и умер в Иерусалиме в 1729 году. Это смесь науки и фантастики, энциклопедия, посвященная всем отраслям знаний. Он учился во Франкфуртском и Падуанском университетах, пользовался покровительством курфюрста Бранденбургского, а его медицинские познания принесли ему множество выдающихся пациентов в Константинополе. Таким образом, его работа содержит много действительно ценных медицинских глав, и он дает один из самых ранних отчетов о недавно открытых лекарствах и лекарственных растениях. Среди прочих диковинок он утверждал, что открыл пигмеев.

Из этой увлекательной, но сбивающей с толку книжки наш обзор должен, наконец, обратиться к Н.Х. Вессели, который в 1782 году впервые подтвердил важность изучения географии в еврейском школьном образовании. Произведения прошлого, с их утешительными легендами и надеждами, продолжали занимать место в сердцах еврейских читателей. Но со времен Уэссели длинный ряд еврейских исследователей и путешественников пополнил ряды тех, кто открыл современности настоящие знания о земном шаре.

БИБЛИОГРАФИЯ

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 80.

А. Neubauer.—Серия статей под названием "*Где десять племен*", *JQR*, том I.

БЕНДЖАМИН ИЗ ТУДЕЛЫ.

А. Ашер.—*Маршрут Бенджамина из Туделы* (с переводом на английский и приложением Зунца. Лондон, 1840-1).

ПЕТАХИЯ РАТИСБОНСКИЙ.

А. Бениш.—*Путешествия Петахии Ратисбонской* (с переводом на английский. Лондон, 1856).

АБРАХАМ ФАРИССОЛ.

Грец.—IV, с. 413 [440].

ДЭВИД РУБЕНИ.

Грец.—IV, с. 491 [523].

Х. УЭССЛИ.

Грец.—V, стр. 366 [388].

ГЛАВА XXI

ИСТОРИКИ И ХРОНИСТЫ

Орден таннаимов и амораимов.—Ахимааз.—Авраам Ибн Дауд.—Иосиппон.—Исторические элегии, или Селихот.—Памятные книги.—Абрахам Закуто.—Элайджа Капсали.—Уске.—Ибн Верга.—Джозеф Козн.—Дэвид Ганс.—Гедалия Ибн Яхья.—Азария ди Росси.

Исторические книги, которые можно найти в Библии, Апокрифах и эллинистической литературе, доказывают, что еврейский гений не был неподходящим для изложения фактов еврейской жизни. Эти более старые работы, а также труды Иосифа Флавия также демонстрируют способность соотносить местные летописи с более широкими фактами всеобщей истории. Однако после рассеяния евреев местная история была единственной, в которой евреи могли принять участие. Евреи читали историю как простой комментарий к своей собственной судьбе, и поэтому они не могли использовать широкий взгляд на мир, необходимый для составления объективных исторических данных. Таким образом, стремясь найти религиозное утешение своим страданиям в Средние века, еврейские историки стремились скорее проследить руку Провидения, чем проанализировать человеческие причины изменений в делах человечества.

Но в другом смысле евреи были по сути одарены историческим духом. Великие люди Израиля не были местными героями. Точно так же, как жизнеописания Плутарха были частью истории мировой политики, так и еврейские биографии ученых людей были частью истории мировой цивилизации. С "Ордена таннаимов и амораимов" (написанного около 1100 года) начинается серия подобных биографических работ, в которых отражено большее понимание трезвых фактов, чем можно было ожидать от того периода. Точно так же знаменитое Письмо Шериры Гаон о компиляции раввинской литературы (980 г.) ознаменовало большой прогресс в критическом рассмотрении исторических проблем. Более поздние работы не поддерживали прежний уровень.

В Средние века еврейская история в основном представляла собой не критичные хроники, которые включали легенды и традиции, а также достоверные факты. Их интерес и важность заключаются в личных и общественных деталях, которыми они изобилуют. Иногда они, по общему признанию, являются местными. Так обстоит дело с "Хроникой Ахимааза", написанной им в 1055 году рифмованной прозой. В занимательной форме он рассказывает о ранних поселениях евреев на Юге Италии и проливает много света на взаимоотношения между разрозненными еврейскими общинами его времени. Большое полотно было заполнено Авраамом Ибн Даудом, врачом и философом, родившимся в Толедо в 1110 году и принявшим мученическую кончину в возрасте семидесяти лет. Его "Книга преданий" (*Сефер ха-Каббала*), написанная в 1161 году, была призвана представить, в противовес караимам, цепь еврейской традиции как ряд неразрывных звеньев от эпохи Моисея до времен самого Ибн Дауда. Начиная с Сотворения Мира, его история заканчивается антикараимским крестовым походом Иуды Ибн Эзры в Гранаду (1150). Авраам Ибн Дауд проявляет в этой работе значительную критическую силу, но в двух других своих историях, одна из которых посвящена истории Рима от его основания до правления короля Рекареда в Испании, а другая - повествованию об истории

евреев во времена Второго Храма, автор полностью полагался на "Иосиппона". Это была средневековая смесь, которая долгое время считалась оригиналом Josephus. "Иосиппон" был скорее романом, чем историей. Почерпнутая из всех источников, от Страбона, Лукиана и Евсевия, а также от Иосифа Флавия, эта чудесная книга оказала сильное влияние на еврейское воображение и стала противоядием от невзгод настоящего благодаря утешениям прошлого и живым надеждам на будущее.

Долгое время Авраам Ибн Дауд не находил подражателей. Еврейская история писалась как часть еврейской религии. Однако, между прочим, многие исторические отрывки были включены в труды еврейских ученых и путешественников, а литургия обогатилась множеством прекрасных исторических элегий, которые были постоянным призывом к героизму и верности. Эти Элегии, или *Селихот*, сочинялись на протяжении всего средневековья, и их страстные излияния скорби и доверия отводят им высокое место в еврейской поэзии. Они также важны с исторической точки зрения и полностью оправдывают прекрасное высказывание, с которым Цунц представляет их, высказывание, которое было переведено Джорджем Элиотом следующим образом:

Если есть ранги в страданиях, Израиль превосходит все народы — если продолжительность скорбей и терпение, с которым их переносят, облагораживают, евреи принадлежат к аристократии любой страны — если литературу называют богатой благодаря нескольким классическим трагедиям, что мы скажем о Национальной трагедии, длившейся полторы тысячи лет, героями которой были также поэты и актеры?

История средневековой части этого трогательного мученичества изложена в *Selichoth* и в более прозаичных записях, известных как "Мемориальные книги" (по-немецки, *Memorbücher*), которые представляют собой списки мучеников и краткие восхваления их карьеры.

Для следующей официальной истории мы должны перейти к Абрахаму Закуто. В старости он потратил несколько лет относительного покоя, после бурной и несчастливой жизни, на написание "Книги генеалогий" (*Ючасин*). Он был изгнан из Испании в 1492 году, а двенадцать лет спустя написал свой исторический труд в Тунисе. Как и книга Авраама Ибн Бауда, она начинается с Сотворения мира и заканчивается днем самого автора. Хотя работа Закуто является скорее знаменитой, чем исторической, она, тем не менее, сыграла важную роль в пробуждении дремлющего интереса евреев к историческим исследованиям. Таким образом, мы находим, что Элайджа Капсали из Кандии написал в 1523 году "Историю Османской империи", а Джозеф Коэн из Авиньона - "Историю Франции и Турции" в 1554 году, в которую он включил отчет о восстании Фиеско в Генуе, где в то время проживал автор.

Шестнадцатый век стал свидетелем создания нескольких популярных еврейских историй. В ту эпоху горизонт мира расширялся благодаря новым географическим и интеллектуальным открытиям. Израиль, с другой стороны, казалось, все глубже и глубже погружался в трясину уныния. Некоторые из людей, которые сами стали жертвами преследований, видели, что единственная надежда заключалась в пробуждении исторического сознания их братьев. История стала утешением изгнанников из Испании, оказавшихся запертыми в стенах гетто, которые впервые были построены в шестнадцатом веке. Самуэль Уске был беглецом от

инквизиции, и его диалоги "Утешения в бедствиях Израиля" (написанные на португальском в 1553 году) представляют собой долгий вздох боли, переходящий во вздох облегчения. Usque открывается страстной идиллией, в которой пастух Икабо рассказывает историю Израиля в недалеком прошлом. Нумео и Сикарео предлагают ему утешение и льют бальзам на его израненное сердце. Яркость стиля Уска, его историческая проницательность, его непоколебимый оптимизм, его поэтическая сила в интерпретации страдания как средства достижения высшей жизни в Боге возвышают его книгу над другими произведениями своего класса и эпохи.

Поэма Уске не завоевала такой популярности, как две другие элегические истории того же периода. Это были "Жезл Иуды" (*Шебет Иегуда*) и "Долина слез" (*Эмек ха-Бача*). Первое было работой трех поколений семьи Ибн Верга. Иуда умер до изгнания из Испании, но его сын Соломон участвовал в последних бедах испанских евреев и даже был вынужден вступить в ряды маррано. Внук, Джозеф Ибн Верга, стал раввином в Адрианополе и был воспитан как в классических, так и в еврейских знаниях. Их сводное произведение "Жезл Иудин" было завершено в 1554 году. Это хорошо написанный, но плохо скомпонованный мартиролог, и на всех его страницах можно было бы начертать талмудический девиз о том, что Божьи наказания Израиля - это наказания любви. Другая упоминаемая работа - "Долина слез" Джозефа Коэна, завершенная в 1575 году. Автор родился в Авиньоне в 1496 году, через четыре года после того, как его отец вместе с ним находился в изгнании из Испании. Он сам пострадал от эмиграции, поскольку, хотя и был выдающимся врачом и личным врачом дожа Андреа Дория, был изгнан вместе с остальными евреями из Генуи в 1550 году. Поселившись в маленьком городке Вольтаджио, он посвятил себя написанию анналов европейской и еврейской истории. Его стиль ясен и убедителен и напоминает ясную простоту исторических книг Библии.

Единственные другие истории, которые нуждаются в критическом упоминании здесь, - это "Ветвь Давида" (*Цемах Давид*), "Цепь традиций" (*Шалшелет ха-Каббала*) и "Свет очей" (*Меер Энаим*). "Щиты могущественных" Абрахама де Порто Леоне (*Шилте ха-Гибборим*, напечатанный в Мантуе в 1612 году); "Церемонии и обычаи евреев" Леона да Модены (напечатанный в Париже в 1637 году); "Зов поколений" Дэвида Конфорта (*Коре ха-Дорот*, написанный в Палестине примерно в 1670 году); "Порядок поколений" Иехиэля Хейлприна (*Седер ха-Дорот*, написанный в Польше в 1725 году); и "Имя великих" Хаима Азулая (написано в Ливорно в 1774 году) может быть лишь поверхностно упомянуто.

Автор "Ветви Давидовой" Дэвид Канс родился в Вестфалии примерно в 1540 году. Он был первым немецким евреем своего времени, проявившим настоящий интерес к изучению истории. Он был человеком научной культуры, переписывался с Кеплером и был личным другом Тихо Браге. Для последнего Канс сделал немецкий перевод частей еврейской версии Таблиц Альфонсо, первоначально составленной в 1260 году. Канс написал работы по математической и физической географии, а также трактаты по арифметике и геометрии. Его история "Ветвь Давидова" пользовалась огромной популярностью. Для человека с его научным образованием это демонстрирует меньшую критическую силу, чем можно было ожидать, но немецкие евреи начали применять критику к истории только после эпохи Мендельсона. Однако в одном отношении "Ветвь Давидова" демонстрирует широту культуры автора. Он не только рассказывает историю евреев, но и во второй части своего труда рассказывает о многих землях и городах, особенно о Богемии и Праге, и добавляет поразительное описание тайных дворов (*Вехмгерихте*) Вестфалии.

Трудно поверить, что авторы "Цепи традиций" и "Света очей" были современниками. Азария ди Росси (1514-1588), автор последней упомянутой книги, был основоположником исторической критики среди евреев. Элиас дель Медиго (1463-1498) был лидером в этом направлении, но работа ди Росси предвосхитила методы немецкой школы "научных" еврейских писателей, которые в начале нынешнего столетия применяли научные принципы к изучению еврейских традиций. С другой стороны, Гедалья Ибн Яхья (1515-1587) был настолько некритичен, что Джозеф Дельмедиго назвал его "Цепь традиций" "Цепью лжи". Гедалия был богатым человеком, и он тратил свои средства на приобретение книг и на путешествия в поисках священных и мирских знаний. И все же Гедалия со вкусом восполнил отсутствие у него исторического метода. "Цепь традиций" - живописная и увлекательная книга, это теплая и жизнерадостная ретроспектива, и она даже заслуживает названия прозаической эпопеи. Кроме того, многие из его заявлений, которые обычно рассматривались как совершенно недостоверные, были подтверждены более поздними исследованиями. С другой стороны, Азария ди Росси увековечен своим духом, а не реальным вкладом в историческую литературу. Он происходил из древнего рода, который, как говорят, был перевезен в Рим Титом, и жил в Ферраре, где в 1574 году создал свой "Свет очей". Она разделена на три части: первая посвящена всеобщей истории, вторая - Письму Аристия, третья - решению нескольких исторических проблем, всеми из которых пренебрегали как евреи, так и христиане. Азария ди Росси был первым критиком, открывшим подлинные направления исследований эллинистической литературы александрийских евреев. С ним истинный исторический дух вновь снизошел на еврейского гения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 75, след., 250 след.

A. Neubauer.—Введение в *Средневековые еврейские хроники*, Тома. I и II (Оксфорд, 1882 и др.).

СЕЛИХОТ.

Зунц.—*Страдания евреев в средние века* (перевод А. Леви, *Сборник Общества еврейской литературы*, том I). См. также J.Q.R., VIII, стр. 78, 426, 611.

АВРААМ ИБН ДАУД.

Грец.—III, с. 363 [373].

АБРАХАМ ЗАКУТО.

Грец.—IV, стр. 366, 367, 391 [393].

ЭЛАЙДЖА КАПСАЛИ.

Грец.—IV, стр. 406 [435].

JOSEPH COHEN, USQUE, IBN VERGA.

Грец.—IV, стр. 555 [590].

Хроника священника Джозефа бен Джошуа (английский перевод Белоблоцкого. Лондон, 1835-186).

ЭЛИА ДЕЛЬМЕДИГО.

Грец.—IV, с. 290 [312].

ДЭВИД ГАНС.

Грец.—IV, стр. 638 [679].

ГЕДАЛИЯ ИБН ЯХЬЯ.

Грец.—IV, стр. 609 [655].

АЗАРИЯ ДИ РОССИ.

Грец.—IV, стр. 614 [653].

ГЛАВА XXII

ИСААК АБАРБАНЕЛЬ

Философия Абарбанеля и библейские комментарии.—Элиас Левита.—Зина у-Рина.—Моисей Альшех.—Биур.

Карьера дона Исаака Абарбанеля (родился в Лиссабоне в 1437 году, умер в Венеции в 1509 году) достойно завершает долгие заслуги, которые евреи Испании оказали государству и образованию. Раннюю часть своей жизни он провел на службе у короля Португалии Альфонсо V. Он обладал значительным состоянием, и его дом, который, по его собственным словам, был построен с просторными залами, был местом встреч ученых, дипломатов и светил науки. Среди других своих занятий он занимался выкупом еврейских рабов и заручился сотрудничеством некоторых итальянских евреев в этом деле.

Когда Альфонсо умер, Абарбанель не только потерял свой пост министра финансов, но и был вынужден бежать, спасая свою жизнь. Он разделил падение герцога Браганса, популярность которого была ненавистна преемнику Альфонсо. Дон Исаак бежал в Кастилию в 1484 году и под дружеские улыбки культурных евреев Толедо взялся за литературную работу, которую он был вынужден отложить, будучи обременен государственными делами. Он начал составлять комментарии к историческим книгам Библии, но ему недолго оставалось заниматься учебой. Фердинанд и Изабелла на глазах у Торквемады и инквизиции доверили финансы своего королевства еврею Абарбанелю в 1484-1492 годах.

В прошлом году Абарбанель был изгнан из Испании в результате всеобщей высылки, спровоцированной инквизицией. Он нашел временное убежище в Неаполе, где также получил государственное назначение. Но вскоре он был вынужден снова бежать, на этот раз на Корфу. "Моя жена, мои сыновья и мои книги далеки от меня, - писал он, - и я остался один, чужак в чужой стране". Но эти последовательные неудачи не сломили его дух. Он продолжал создавать огромные работы в очень быстром темпе. Однако ему не суждено было закончить свою жизнь в неизвестности. В 1503 году ему был предоставлен дипломатический пост в Венеции, и он провел оставшиеся годы в счастье и почете. Он завершил великолепный список знаменитых испанских евреев, сделав карьеру, характерную для Испании. Он привел последний, поразительный пример той связи жизни с литературой, которая издревле была характерна для евреев, но которая нашла свой величайший и последний дом в Испании.

Как писатель, Абарбанель имеет много недостатков. Он очень многословен, и его манеры провоцируют. Таким образом, он всегда начинает свои комментарии с длинной череды вопросов, на которые затем переходит к ответам. О нем в шутку говорили, что он вызвал много скептицизма, поскольку ни один из десятков его читателей так и не перешел от вопросов к ответам. В сарказме есть доля правды, что Абарбанеля, несмотря на присущую ему ясность, очень трудно понять. Хотя у Абарбанеля есть очевидные недостатки, его хорошие качества столь же ощутимы. Ни один предшественник Абарбанеля не был так близок, как он, к современному идеалу комментатора Библии. Ибн Эзра был отцом "Высшей критики", то есть

попытки объяснить эволюцию текста Священного Писания. Кимчи разработали строго грамматическое изложение Библии. Но Абарбанель понимал, что для объяснения Библии нужно попытаться воспроизвести атмосферу, в которой она была написана; нужно осознать идеи и жизнь того времени, с которыми имеет дело повествование. Его собственное практическое государственное ремесло сослужило ему хорошую службу. Он смог сформировать концепцию политики древней Иудеи. Его комментарии представляют собой работы по философии истории. Его более формальные философские работы, такие как его "Деяния Бога" (*Мифалот Элохим*), представляют меньшую ценность, они заимствованы в основном у Маймонида. В своих талмудических трудах, в частности в "Спасении помазанника своего" (*Йешуот Мешичо*), Абарбанель проявляет более легкий и оригинальный подход, чем в своих философских трактатах. Но его работы по Библии являются его величайшим литературным достижением. Помимо уже указанных достоинств, у этих книг есть еще одно важное преимущество. Он был первым евреем, широко использовавшим христианские комментарии. Ему следует приписать открытие того, что изучение Библии может быть несектантским и что все, кто почитает Библию, могут взяться за руки для ее разъяснения.

Младший современник Абарбанеля также придерживался тех же взглядов. Это был Элиас Левита (1469-1549). Он был грамматиком, или массоритом, то есть изучал традицию (*Массора*) в отношении еврейского текста Библии, и он был энергичным учителем христиан. В шестнадцатом веке изучение иврита значительно продвинулось в Европе, но сами евреи были лишь косвенно связаны с этим прогрессом. Несмотря на Абарбанеля, еврейские комментарии оставались либо гомилетическими, либо мистическими, либо, подобно популярным работам Моисея Альшеха, были более или менее мидрашистскими по стилю. Но Библия вызывала у евреев настоящее восхищение, и естественно, что такие книги часто составлялись для широких масс. Следует упомянуть "*Зина у-Рена*" ("Иди и смотри"), произведение, написанное в начале восемнадцатого века на еврейско-немецком языке для женщин, произведение, которое до сих пор любимо еврейками. Но семена, посеянные Абарбанелем и другими представителями его школы, в конечном итоге дали обильный урожай. Немецкое издание Пятикнижия Мендельсона с комментариями на иврите (*Биур*) стало поворотным пунктом на пути к современному изложению Библии, начало которому положил государственный деятель-ученый Испании.

БИБЛИОГРАФИЯ

БАНЕЛЬ.

Грец.—IV, II.

И.С. Мейзельс.—*Дон Исаак Абарбанель, J.Q.R.*, II, стр. 37.

С. Шехтер.—*Исследования по иудаизму*, стр. 173 [211].

Ф.Д. Мокатта.*Евреи Испании и Португалии и инквизиция* (Лондон, 1877).

Шиллер-Синесси.—*Энцикл. Брит.*, Т. I, стр. 52.

Толкование 16-18 веков.

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 232 далее.

Биур.

Образец Биура, переведенный А. Бенишем (*Сборник Общества еврейской литературы*, том I).

ГЛАВА XXIII

ШУЛХАН АРУХ

Арба Турим Ашери.—Чиддушим и Тешубот.—Соломон бен Адерет.—Меир из Ротенбурга.—Шешет и Дюран.—Моисей и Иуда Минц.—Джейкоб Вейл, Исраэль Иссерлейн, Махарил.—Дэвид Аби Зимра.—Джозеф Каро.—Джаир Бахарах.—Хачам Зеви.—Якоб Эмден.—Иезекииль Ландау.

Кульминацией религиозной литературы евреев в том, что касалось практической жизни, стала публикация "Приготовленного стола" (*Шулхан Арух*) в 1565 году. Первая в своем роде книга, составленная после изобретения книгопечатания, "Шулхан Арух" приобрела популярность, которой лишены все предыдущие работы, призванные представить краткий обзор еврейской этики и ритуальных обрядов. Она ни в коем случае не заменила "Сильную руку" Маймонида, но была настолько практичнее по своему охвату, настолько понятнее как работа общегонимости, настолько полнее о *Минхаге*, или установившемся обычае, что быстро стала универсальным справочником еврейской жизни на многих ее этапах. Она была принята не во всех своих частях, и ее недостатки были ясно видны. Автор, Джозеф Каро, был слишком нежен к прошлому и допускал некоторые вещи, которые имели историческое обоснование, но которые сам Каро первым отверг бы в качестве принципов поведения для своего собственного или более позднего времени. В целом, книга была достойным изложением фундаментальной еврейской точки зрения о том, что религия неразрывна с жизнью и что все, что вообще стоит делать, должно делаться в соответствии с общим принципом повиновения божественной воле. Недостатки такого взгляда - это недостатки его качеств.

"Шулхан Арух" был результатом многовековой научной работы. Он был оригинальным, но полностью основывался на предыдущих работах. В частности, "Четыре ряда" (*Арбаа Турим*) Джейкоба Ашери (1283-1340) были одним из основных источников творчества Каро. "Четыре ряда", опять же, всем были обязаны отцу Иакова, Ашеру, сыну Иехиэля, который мигрировал из

Германии в Толедо в самом начале четырнадцатого века. Но помимо систематизированных кодексов своих предшественников, Каро смог воспользоваться обширной литературой по Талмуду и еврейскому праву, накопленной на протяжении веков.

Во-первых, это была большая коллекция "Новинок" (*Чиддушим*), или Заметок о Талмуде, составленных различными авторитетами. Более значимыми, однако, были "Ответы" (*Тешубот*), которые напоминали ответы гаонимов, упомянутых в предыдущей главе. Переписка раввинов в форме ответов на вопросы, присылаемые издалека и вблизи, охватывала всю область светских и религиозных знаний. Стиль этих "Ответов" поначалу был простым, лаконичным и полным актуальности. Самыми известными представителями этой формы литературы после гаонимов были оба писателя XIII века: Соломон, сын Адерета, в Испании и Меир из Ротенбурга в Германии. Соломон, сын Адерета из Барселоны, был человеком, чья моральная серьезность, мягкий, но твердый нрав, глубокая эрудиция и терпимый характер обеспечили ему высшее место в еврейской жизни на полвека. Меир Ротенбургский был поэтом и мучеником, а также глубоким ученым. Он провел много лет в тюрьме, но предпочел уступить алчным требованиям местных властей о выкупе, который охотно заплатили бы друзья Меира. В качестве образца поэзии Меира следующие стихи взяты из панихиды, сочиненной им в 1285 году, когда копии Пятикнижия были публично преданы огню. К "Закону" обращаются во втором лице:

Смятение овладело моей душой; как же тогда
пища может быть для меня сладкой?
Когда, о ты, Закон! Я видел, как низкие люди
уничтожали тебя?

Ах! сладко было бы моим глазам всегда
лить слезы,
Рыдать и орошать твои священные одежды, пока они
Не стали бы больше вмещать.

Но вот! мои слезы высохли, когда, быстро пролившись,
Они стекают по моим щекам,
Опаленные внутренним огнем, потому что твой Господь
Повернулся и ускорился.

Да, я опустошен и безутешен,
Вот! покинутый,
Как единственный оставшийся маяк на горе,
Одинокая башня.

Я больше не слышу голосов певцов,
их песня погрузилась в тишину,
Ибо порваны струны на арфах прошлого,

Виолах сладкого звучания.

Я поражен, что ясный свет дня
Все еще ярко освещает
все вокруг; но для нас с тобой всегда темно, как ночь

.

* * * * *

Подобно тому, как когда твой Рок поразил тебя,
Он облегчит твою скорбь,
И вернет племена в плен,
И возвысит низших.

И все же ты наденешь свое избранное алое одеяние,
И будешь высоко бить в тимпаны,
И радоваться среди танцующих,
С радостными криками.

Мое сердце воспрянет духом в тот день, когда
Твоя Скала станет твоим светом,
Когда Он рассеет твой мрак,
осветит Твою тьму.

Этому сочетанию поэтического и юридического мышления соответствовали другие сочетания у таких мастеров "Ответов", как семьи Шешет и Дюран в Алжире в четырнадцатом и пятнадцатом веках. У этих людей глубина образования ассоциировалась с широтой культуры. Другие, такие как Моисей и Иуда Минц, Якоб Вайль и Израэль Иссерлейн, чье влияние было первостепенным в Германии в пятнадцатом веке, были менее образованными, но их ученость была связана с сердечностью и чувством юмора, которые делают их "Ответы" очень человечными и очень занимательными. Та же домашняя, ласковая атмосфера царит в сборнике *Минхагим*, или Обычаев, известном как *Махарил*, который относится к тому же периоду. С другой стороны, Давид Аби Зимра, раввин Каира в шестнадцатом веке, был столь же независим, сколь и образован. Например, именно он отменил старый обычай датировать еврейские документы эпохой Селевкидов (311 г. до н.э.). И, если выйти за рамки времен Каро, авторами "Ответов" являются талантливый Джаир Хаим Бахарах (семнадцатый век), критик и законник; Хахам Цеви и Якоб Эмден в Амстердаме и Иезекииль Ландау в Праге, двое первых из которых выступали против мессианских притязаний Саббата Цеви, а последний из них был антагонистом еврейского учения. Тенденция к германизации Мозеса Мендельсона.

Сам Джозеф Каро был многогранным человеком. Он родился в Испании в 1488 году и умер в Цфате, гнезде мистицизма, в 1575 году. С юности владея талмудическими трудами своих предшественников, Каро посвятил тридцать два года подготовке исчерпывающего комментария

к "Четырем строкам" Джейкоба Ашери. Это занимало его с 1522 по 1554 год. Каро был не только учеником, но и энтузиастом, и эмоциональная сторона каббалы привлекала его. Он верил, что у него есть фамильяр, или *Маггид*, олицетворение Мишны, который являлся ему во снах и общался с ним. Он нашел подходящий дом в Цфате, где в шестнадцатом веке располагалась штаб-квартира мистиков. Спутником Каро в его путешествии в Цфат был Соломон Алкабец, автор знаменитого субботнего гимна "Приди, мой друг" (*Леча Доди*) с припевом:

Выходи, мой друг, Невесту встречать,
Выходи, о мой друг, субботу встречать!

Шулхан Арух состоит из четырех частей, причудливо названных: "Путь жизни" (*Орах Хаим*), "Учитель знаний" (*Йоре Деах*), "Нагрудник суда" (*Чошен ха-Мишпат*) и "Камень помощи" (*Эбен ха-Эзер*). Первая часть в основном посвящена теме молитвы, благословений, субботе, праздникам и присущим каждому из них обрядам. Вторая часть посвящена пище и ее приготовлению, *Шхите*, или забою животных для употребления в пищу, отношениям между евреями и неевреями, обетам, уважению к родителям, благотворительности и религиозным обрядам, связанным с сельским хозяйством, таким как уплата десятины, и, наконец, обрядам траура. Этот раздел "Шулхан Аруха" самый разнообразный из четырех; в трех других объединение сюжетов более логично. Эбен ха-Эзер рассматривает законы о браке и разводе с их гражданских и религиозных аспектов. "Чошен ха-Мишпат" имеет дело с юридическими процедурами, законами, регулирующими деловые операции, и отношениями между людьми при ведении мирских дел. Большое количество комментариев к Кодексу Каро было написано *ахаронимами* (= более поздними учеными) и для них. Он полностью заслуживал такого внимания, поскольку сам по себе "Шулхан Арух" был виртуозной постановкой. Она внесла систематизацию в противоречивые мнения раввинских авторитетов средневековья, и ее публикация в шестнадцатом веке сама по себе была гениальным ходом. Никогда прежде подобная работа не была так необходима, как тогда. Евреи были в поле зрения того, что было для них самым мрачным веком, семнадцатого и восемнадцатого веков. Хотя Шулхан Арух оказал пагубное влияние на формирование стереотипов еврейской религиозной мысли и предотвратил быстрое распространение критического духа, тем не менее, это было объединяющим фактором для дезорганизованных евреев и спасло их от угрожавшего им распада. Шулхан Арух был последним великим оплотом раввинской концепции жизни. Сходный по своей форме и содержанию, он был весьма близок к серии кодексов, которые начались с Мишны и в которых была кодифицирована сама жизнь.

БИБЛИОГРАФИЯ

Штайншнайдер.—*Еврейская литература*, стр. 213 далее.

И.Х. Вайс. —О кодексах, *J.Q.R.*, I, стр. 289.

АШЕР БЕН ИЕХИЭЛЬ.

Грец.—IV, стр. 34 [37].

ДЖЕЙКОБ АШЕРИ.

Грец.—IV, стр. 88 [95].

СОЛОМОН БЕН АДЕРЕТ.

Грец.—III, с. 618 [639].

МЕИР ИЗ РОТЕНБУРГА.

Грец.—III, стр. 625, 638 [646].

ДЖУДА МИНЦ.

Грец.—IV, стр. 294 [317].

МАХАРИЛ.

С. Шехтер.—*Исследования по иудаизму*, стр. 142 [173].

DAVID BEN ABI ZIMRA.

Грец.—IV, стр. 393 [420].

ДЖАЙР ХАИМ БАХАРАХ.

Д. Кауфманн, *J.Q.R.*, III, стр. 292 и др.

ДЖОЗЕФ КАРО.

Грец.—IV, с. 537 [571].

МОЗЕС ИССЕРЛЗ.

Грец.—IV, с. 637 [677].

Чиддушим.

Грец.—IV, с. 641 [682].

ГЛАВА XXIV

АМСТЕРДАМ В СЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Manasseh ben Israel.—Baruch Spinoza.—Драма на иврите.—Моисей Закут, Джозеф Феликс Пенсо, Моисей Хаим Луццатто.

Голландия была центром еврейской надежды в семнадцатом веке, и среди ее терпимого и образованного народа марраны, изгнанные из Испании и Португалии, основали новый Иерусалим. Два писателя маррановского происхождения, столь же непохожие друг на друга по уму и характеру, как поляки, представляли два аспекта стремления евреев занять свое место в более широком мире. Манассия бен Исраэль (1604-1657) был энтузиастом, основывавшим свои амбициозные надежды на мессианских пророчествах; Баруху Спинозе (1632-1677) не хватало энтузиазма, он мало верил в устные обещания Священного Писания, но все же разработал систему этики, в соответствии с которой Бог наполнил мир. Манассия бен Исраэль вернул евреям доступ в Англию; Спиноза вернул еврею право голоса в мировой философии. Оба были политическими мыслителями, отстаивавшими полные права индивидуальной совести, и хотя используемые аргументы значительно различаются, все же великолепная *"Защита иудеев"* Манассии бен Исраэля и *"Трактат"* Спинозы одинаково настаивают на естественном праве людей свободно мыслить. Они предвосхитили некоторые из величайших принципов, получивших признание в конце восемнадцатого века.

Манассия бен Исраэль родился в Лиссабоне в семье родителей-маррано, которые эмигрировали в Амстердам через несколько лет после рождения сына. В юности он проявил ораторский талант и в подростковом возрасте был известным проповедником. Он запустил

первый печатный станок на иврите, установленный в Амстердаме, и с его помощью было выпущено множество работ, до сих пор замечательных по совершенству своего шрифта и общему мастерству исполнения. Сам Манассия был не только выдающимся лингвистом, но и популяризатором лингвистических исследований. Он хорошо писал на иврите, латыни, английском, испанском и португальском и был средством обучения многих известных христиан того времени ивриту и раввинскому языку. Среди его личных друзей был Воссий, который перевел "Примирителя" Манассии с испанского на латынь. Это самое важное из ранних сочинений Манассии пользовалось такой же популярностью у христиан, как и у евреев, поскольку в нем предпринималась попытка примирить расхождения и противоречия, очевидные в Библии. Другим его другом был художник Рембрандт, который в 1636 году написал гравюру с портрета Манассии. Хьюэт и Гроций также были среди друзей и учеников, собравшихся вокруг амстердамского раввина.

Неожиданным результатом рвения Манассии бен Исраэля к распространению изучения иврита среди своих собратьев стало возникновение новой формы поэтической литературы. К этому периоду относятся первые драмы на иврите. Моисей Закут и Джозеф Феликс Пенсо написали драмы на иврите в первой половине семнадцатого века в Амстердаме. "Основание мира" первого и "Пленники надежды" второго обладают небольшими поэтическими достоинствами, но они являются интересными признаками желания евреев использовать иврит для всех форм литературного искусства. Поэтому эти драмы были восприняты как символ еврейского возрождения. Как ни странно, единственный великий автор пьес на иврите, Моисей Хаим Луццатто (1707-1747), также проживал в Амстердаме. Луццатто писал под влиянием итальянского поэта Гуарини. Его метры, его длинные монологи, его тексты, его сочетание сельских и городских пейзажей - все это напрямую связано с Гуарини. Тем не менее Луццатто был оригинальным поэтом. Его владение ивритом было полным, и его богатая фантазия была выражена в ярких линиях. Его драмы "Самсон", "Крепкая башня" и "Слава добродетельным" демонстрируют классическую утонченность и свежесть восприятия, которые сделали их образцами всех последующих работ еврейских драматургов.

Манассия бен Исраэль не позволил себе погрузиться в более широкие интересы, открывшиеся перед ним благодаря близкому общению с величайшими христианскими учеными своего времени. Он подготовил испанский перевод Пятикнижия для амстердамских евреев, которые не спешили использовать голландский в качестве своего языка, что неудивительно, если вспомнить, что литературный голландский тогда только формировался. Манассия также написал в этот период еврейский трактат о бессмертии. Его мирское благосостояние было невелико, и он даже подумывал об эмиграции в Бразилию. Но друзья ученого нашли для него место в новом колледже по изучению иврита, колледже, в который, вероятно, поступил сам Спиноза. Тем временем сообщения Монтесиноса о присутствии Десяти Потерянных племен в Америке изменили течение жизни Манассии. В 1650 году он написал свое знаменитое эссе "Надежда Израиля", которое посвятил английскому парламенту. Он утверждал, что в качестве предварительного шага к восстановлению Израиля, или тысячелетнему царству, которого с нетерпением ждали английские пуритане, рассеяние Израиля должно быть полным. Надежды тысячелетия были обречены на разочарование, если евреи не будут вновь допущены в Англию, "на остров Северного моря". Его преданность делу встретила дружеский прием, Манассия отправился в Англию в 1655 году и получил от Кромвеля квалифицированное согласие на переселение евреев на землю, с которой они были изгнаны в 1290 году.

Брошюры, опубликованные Манассией в Англии, заслуживают высокого места в литературе и в истории современной мысли. Они неизмеримо превосходят другие его работы, которые красноречивы, но рассеянны, учены, но увлекательны. Но в его *Vindiciae Judeorum* (1656) его стиль и мысль ясны, оригинальны, возвышенны. Здесь нет мистических неуместностей. Его замечания по существу, сладко разумные, убедительные, умеренные. Он борется со средневековыми предрассудками против евреев в манере, которая ставит его работы в ряд лучших политических памфлетов, когда-либо написанных. С моральной точки зрения его манера также заслуживает внимания. Он отстаивает иудаизм в духе, в равной степени далеком от высокомерия и самоуничижения. Он полон достоинства в своей убедительности. Он апеллирует скорее к чувству справедливости, чем к милосердию, и все же пишет как человек, который знает, что справедливость - это самое редкое и высочайшее качество человеческой натуры; как человек, который знает, что смиренно выражать благодарность за полученное правосудие - значит оказывать почтение самому благородному свойству человека.

Скорее судьба, чем расположение, оторвала Манассию от его кабинета, чтобы выступить перед английским парламентом. Барух Спиноза был избавлен от такого отвлечения. В его замкнутую на себя жизнь, мирские дела не могли вторгнуться. Не совсем точно, родился ли Спиноза в Амстердаме. Во всяком случае, он должен был попасть туда в ранней юности. Возможно, он был учеником Манассии, но его ум был воспитан на философских трактатах Маймонида и Крескаса. Его мышление стало скептическим, и хотя он был "опьянен чувством Бога", у него не было любви ни к какой позитивной религии. Он выучил латынь и обнаружил, что труды Декарта открыли перед ним новые возможности. Его связи с представителями картезианской философии и его собственное безразличие к церемониальным обрядам привели его к столкновению с синагогой, и в 1656 году, во время отсутствия Манассии в Англии, амстердамские раввины отлучили Спинозу от церкви. Спиноза был слишком силен, чтобы искать слабой мести в виде отречения от иудаизма. Он продолжал спокойно зарабатывать на жизнь изготовлением линз; он отказался от профессорской должности, предпочитая, как и Маймонид до него, полагаться в качестве средства к существованию не только на литературные занятия.

В 1670 году Спиноза закончил свой "Теолого-политический трактат", в котором сквозит некоторая горечь по отношению к синагоге. Его нападки на Библию грубы, но здесь предвосхищаются фундаментальные принципы современной критики. Главное значение "Трактата" заключалось в доктрине о том, что государство обладает полными правами над личностью, за исключением свободы мысли и свободного выражения мыслей. Это права, которые ни один человек не может передать государству. О величайшем труде Спинозы "Этика" нужно только сказать, что это было одно из самых вдохновляющих произведений современности. Дитя иудаизма и картезианства, Спиноза занял первое место среди великих учителей человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

МАНАССИЯ БЕН ИСРАЭЛЬ.

Грец.—V, 2.

Х. Адлер.—*Труды Еврейского исторического общества Англии*, Вып. I, стр. 25.

Кайзерлинг.—*Сборник Общества еврейской литературы*, том I.

Леди Магнус.—*Еврейские портреты*, стр. 109.

Английские переводы работ "Защита Иудеев", "Надежда Израиля", "Примиритель" (Э.Х. Линдо, 1841 и др.).

СПИНОЗА.

Грец.—V, 4.

Дж. Фрейденталь.—*История спинозизма*, J.Q.R., VIII, стр. 17.

ЕВРЕЙСКИЕ ДРАМЫ.

Карпелес.—*Еврейская литература и другие очерки*, стр. 229.

Абрахамс.—*Еврейская жизнь в средние века*, гл. 14.

Грец.—V, стр., 112 [119], 234 [247].

ГЛАВА XXV

MOSES MENDELSSOHN

Немецкий перевод Библии Мендельсона.—Федо.—Иерусалим.—"Натан Мудрый" Лессинга.

Мозес, сын Менделя, родился в Дессау в 1728 году и умер в Берлине в 1786 году. Его отец был беден, а сам он отличался слабым телосложением. Но его низкорослую фигуру оживлял энергичный дух. Проведя детство в условиях, которые мало способствовали его

зарождающимся устремлениям, Мендельсон решил последовать за своим учителем Френкелем в Берлин. Он проделал весь путь пешком, и ему едва не отказали во въезде в столицу Пруссии, где ему суждено было произвести столь глубокое впечатление. В Берлине его борьба с бедностью продолжалась, но его положение улучшилось, когда он получил должность сначала частного репетитора, затем бухгалтера на шелковой фабрике.

Берлин в это время был ареной интеллектуального и эстетического возрождения, во главе которого стоял Фридрих Великий. Последний, культурный дилетант, был, как сказал о нем Мендельсон, человеком, "благодаря которому расцвели искусства и науки и свобода мысли стала всеобщей в его царстве". Немецкие евреи тогда еще были вне этого возрождения. В Италии и Голландии новые движения семнадцатого и восемнадцатого веков выдвинули евреев на первый план. Но "немецкие" евреи — а этот термин включал в себя подавляющее большинство евреев Европы — страдали от последствий интеллектуального застоя. Талмуд по-прежнему управлял умом и воображением этих евреев, но культура и религия были разделены. Мендельсон в сотне мест утверждает, что такое разделение опасно и неестественно. Это было его служение иудаизму в том, что он раз и навсегда устарел от разделения.

Мендельсон добился этого чисто литературными средствами. Большинству реформ, по крайней мере, помогали моральные и политические силы. Но возрождение мендельсона в иудаизме было литературным возрождением, на которое моральные и религиозные силы оказывали лишь косвенное влияние. Благодаря большему усовершенствованию языка, поскольку до сих пор "немецкие" евреи не говорили на чистом немецком языке; благодаря расширению сферы образования в еврейских школах; благодаря внедрению всего того, что известно как культура, Мендельсон изменил весь аспект еврейской жизни. И он произвел эту реформацию с помощью книг, и только с помощью книг. Никогда не играя роли религиозного или морального реформатора, Мендельсон стал еврейским апостолом культуры.

Великое событие в его жизни произошло в 1754 году, когда он познакомился с Лессингом. Двое молодых людей стали постоянными друзьями. Лессинг, еще до того, как познакомился с Мендельсоном, написал драму "Евреи", в которой, возможно, впервые еврей был представлен на сцене как человек чести. В Мендельсоне Лессинг узнал нового Спинозу; в Лессинге Мендельсон увидел совершенный идеал культуры. Шедевр искусства Лессинга, драма "Натан Мудрый", стала памятником этой дружбы. Мендельсон был героем драмы, и терпимость, которой она дышит, явно принадлежит Мендельсону. Мендельсон считал, что не существует абсолютно лучшей религии так же, как не существует абсолютно лучшей формы правления. Это была ведущая идея его последней работы "Иерусалим"; это также центральная мысль "Натана Мудрого". Лучшая религия, по мнению обоих, — это религия, которая наилучшим образом раскрывает самые благородные способности человека. Как писал Мендельсон, существуют определенные вечные истины, которые Бог одинаково внедряет во всех людей, но "иудаизм не может похвастаться исключительным раскрытием непреложных истин, необходимых для спасения".

То, что только что было процитировано, является одним из последних высказываний Мендельсона. Мы должны вернуться ко времени его первой близости с Лессингом. Он посвятил свое внимание усовершенствованию своего немецкого стиля и преуспел в этом настолько, что его произведения заняли место среди классиков немецкой литературы. В 1763 году он получил берлинскую премию за эссе о математическом методе в философских рассуждениях и

полностью победил Канта благодаря своему ясному и привлекательному стилю. Самое популярное философское произведение Мендельсона "Федо, или Бессмертие души" завоевало необычайную популярность в Берлине как из-за своей привлекательной формы, так и из-за своего духовного очарования. "Немецкий Платон", "еврейский Сократ" - вот лишь некоторые из эпитетов, которыми награждали его многочисленные поклонники. Действительно, "Федо" Мендельсона - произведение редкой красоты.

Одним из результатов популярности Мендельсона стала любопытная переписка с Лафатером. Последний усмотрел в терпимости Мендельсона признаки слабости и поверил, что сможет обратить знаменитого еврея в христианство. Ответ Мендельсона, как и его "Иерусалим" и его замечательное предисловие к немецкому переводу "*Оправдания иудейского*" Манассии бен Израэля, озвучили то требование личной свободы мысли и совести, за которое евреи, сами того не сознавая, так долго боролись. Точка зрения Мендельсона заключалась в том, что все истинные религиозные устремления не зависят от религиозных форм. Мендельсон не игнорировал ценность форм, но он считал, что поскольку часто существует несколько средств для достижения одной и той же цели, то и различные религиозные формы различных вероучений могут привести своих приверженцев к спасению и Богу.

Самой эпохальной работой Мендельсона стал его перевод Пятикнижия на немецкий язык. С этой работой современная история находит естественное завершение. Пятикнижие Мендельсона знаменует собой модернизацию литературы иудаизма. Эта книга вызвала много возражений, но, с другой стороны, многие евреи жадно просматривали ее страницы, усвоили ее благородную дикцию и вложили ее ритмичное красноречие в свои сердца. Вокруг Мендельсона собралась группа преданных учеников, пионеров нового учения, популяризаторов литературы иудаизма, в которой современный дух возродил все еще живые свидетельства древности. Несомненно, среди мужчин и женщин, затронутых берлинским философом, была некоторая слабость, поскольку некоторые отвергали всю позитивную религию, потому что учитель учил, что во всех позитивных религиях есть свои спасительные и правдивые элементы.

Однако в задачу этого очерка не входит проследить религиозное влияние мендельсонианского движения. Достаточно сказать, что, хотя старая еврейская концепция заключалась в том, что литература и жизнь неразрывны, еврейская литература начинает с Мендельсона свою собственную независимую жизнь, жизнь духа, которая не может полностью контролироваться невзгодами материальной жизни. Физическое гетто может быть снова навязано евреям извне; интеллектуальное гетто, навязанное изнутри, едва ли мыслимо. Терпимость придала современный дух еврейской литературе, но нетерпимость не может лишить его.

БИБЛИОГРАФИЯ

MOSES MENDELSSOHN.

Грец.—V, 8.

Карпелес.—*Очерк еврейской истории*, стр. 93; *Еврейская литература и другие очерки*, стр. 293.

Английские переводы "*Федо, Иерусалим*" и *Введения к Пятикнижию* (*Обзор иврита*, том I).

Другие переводы *Иерусалима* были сделаны М. Сэмюэлсом (Лондон, 1838) и Исааком Лизером, последний опубликован в качестве приложения к "*Западу*", Филадельфия, 5612.

ДВИЖЕНИЕ МЕНДЕЛЬСОНА.

Грец.—V, 10.
